

*Владимир
Суходровский*

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

*Владимир
Суходровский*

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Предисловие

Владимир Леонидович Суходровский, автор настоящей книги, является участником Великой Отечественной войны. Восемнадцатилетним юношей он был призван в ряды Советской армии и прошел войну, начиная с 1942 года до полной Победы.

После демобилизации из армии в 1949 году Владимир Леонидович поступает в Московский государственный университет имени Ломоносова на географический факультет, который успешно заканчивает в 1954 году. Свою научную деятельность он посвящает гляциологии (наука о льдах) и мерзлотоведению. В 1957 – 58 годах он возглавляет арктическую экспедицию на Землю Франца-Иосифа, в последующие годы работает в академических институтах географии в Москве и мерзлотоведения в г. Якутске. Ему присвоено звание доктора географических наук. Им опубликовано около ста научных работ, в том числе три монографии. В. Л. Суходровский известен в стране и за рубежом как крупный специалист в области криогенного (мерзлотного) рельефообразования.

О Великой Отечественной войне написано немало книг. В их числе книги известных полководцев, раскрывших роль нашего командования в достижении тех или иных побед. Широко популярны книги, написанные бывшими офицерами о сражениях, в которых они принимали участие и, как правило, добивались боевых успехов тактического характера. Война описана и военными корреспондентами, чаще всего по рассказам непосредственных участников боев. Но, к великому сожалению, в нашей военной литературе до сих пор почти не было предоставлено слово простому рядовому солдату, прошедшему сквозь горнило войны, на своих плечах вынесшему ее тяжесть и добившемуся Победы.

Автор данной книги всего лишь рядовой боец. Его рассказ освещает происходящие события как бы изнутри, и это является особенно ценным. Он ничего не приукрашивает, он не делает из себя героя, он рассказывает

просто, я бы сказала, бесхитростно, с большой долей откровенности.

Все меньше и меньше остается среди нас непосредственных участников той Великой войны. Значительная часть их погибла в боях, а многие ушли из жизни в результате ранений или болезней. Поэтому так дорого сейчас каждое слово очевидца или даже того, кто знает об этой войне от своих близких. Их рассказы – это великая память для нас и для всех последующих поколений.

Л. Иванова.

Глава 1

И вдруг...война

Довоенное время я вспоминаю с радостью, может быть потому, что в этот период прошли мое детство и юность. Родители мои были учителями. Мы жили в городе Сухиничи (ныне Калужская область), где в 1926 г. трагически погиб мой отец: он спасал двух своих учениц, которые тонули в пруду. С этого времени мама воспитывала меня одна. Мое детство протекало не только в Сухиничах, но и в поселке Детчино, ныне Малоярославецкого района, где жили родители моего отца и две тети. На каждые школьные каникулы в этом поселке собирались шесть семей моих дядей и тетей по отцу, составлявших династию школьных учителей. Бесшабашное времяпровождение в кругу двоюродных братьев и сестер незабываемо. Этому благоприятствовало прекрасное местоположение поселка, окруженного лесом и находившегося рядом с небольшой, живописной рекой.

В 1938 г. моя мама приняла решение покинуть Сухиничи и переехать в Детчино. Мне пришлось расстаться не только с городом и школой, к которым я привык, но и с лучшим школьным другом Юрой Россиным. Юра отличался большими для своего возраста способностями в литературе и рисовании. До самого начала войны продолжалась наша переписка, а в 1945 г. мне стало известно о трагедии, случившейся в оккупированном фашистами городе. Вся еврейская семья Россиных, включая их детей - Юру и красавицу Любу, была расстреляна фашистами.

После переезда в Детчино, я продолжил учебу и поступил в 7 класс, в котором учился и мой двоюродный брат Слава. Учеба давалась мне легко. Одновременно я увлекся общественной работой, посещал кружки. В 14 лет вступил в комсомол, а в конце 9 класса меня избрали комсоргом школы.

Появились и новые друзья: Виктор Куликов и Сергей Ионов. Оба они были несколько старше меня, и к началу войны уже служили в армии. Окончив 9-й класс, я начал строить планы, как лучше отдохнуть, чтобы в следующем году быть готовым к поступлению в вуз. Я хотел стать архитектором, потому что любил математику и неплохо рисовал.

И вдруг ... война. Моя мама и тетя, у которой мы жили, сообщение о войне восприняли тревожно. Они понимали, что брату Славе и мне участия в этой войне не миновать. Мы с братом к начавшейся войне отнеслись спокойно, так как привыкли верить в непобедимость Красной Армии, а значит, и в скорейший разгром противника на его же территории, как это обещал Клим Ворошилов. Но как мы ошибались! Ежедневные сообщения Совинформбюро были неутешительными. Каждый день по радио назывались все новые и новые города, которые оставляла наша армия. С тревогой следили мы за продвижением противника к Москве. После Бреста были оставлены Барановичи, Минск, Орша, Смоленск. Расстояние от переднего края фронта до Калуги, а значит, и до нашего поселка неумолимо сокращалось.

Вспоминается курьезный эпизод того времени. Как-то по поселку поползли слухи, что над ближайшим лесом видели спускающийся на парашютах немецкий десант. Начальник военкомата обратился к комсомольцам школы и некоторых других организаций с призывом ликвидировать «гостей» собственными силами. Организовали отряд, членов которого вооружили несколькими малокалиберными винтовками и учебными трехлинейками со штыком. Мне выдали учебную винтовку и предупредили, что ею можно пользоваться только как холодным оружием. Нас построили шеренгой с интервалом видимости между идущими слева и справа. Предупредили: необходимо обращать внимание на каждый подозрительный предмет.

Так мы прошагали несколько километров, не встретив ни одного десантника. И вот только хотели присесть отдохнуть, как один из

бдительных учеников показал военному подозрительную бумажку, на ней якобы были следы копоты - результат чистки вражеского оружия. Военком взял бумажку в руки и сразу же безглаголиво ее отбросил, заявив: «этой бумажкой не оружие, а задницу вытирали». При этом он покрутил указательным пальцем у виска. Последовал взрыв хохота, после чего усталые, но взбодренные «жертвы панического слуха» направились домой.

Глава 2

Трудовой фронт

Спустя месяц после начала войны комсомольцев Детчинского района вызвали в райком. Секретарь райкома (я помню, это была женщина) обратилась к нам с призывом выполнить свой патриотический долг и отправиться на трудовой фронт. О том, чтобы отказаться от подобного комсомольского поручения не могло быть и речи. Собранную команду, численностью около двухсот человек, возглавил бывший командир Красной Армии, некий Киселев. Мы его впоследствии почему-то прозвали комбатом. Всю команду он разделил на отдельные группы, которые назвал взводами. Мне было поручено возглавить взвод из учеников нашей школы. К товарному эшелону, в котором нас везли в сторону фронта, по пути прицепляли все новые и новые вагоны из других районов. Когда мы достигли Вязьмы, наш эшелон объединили с тем, который следовал из Москвы. Среди московской молодежи было много девушек-студенток и старшеклассников. В конце июня наш эшелон достиг конечного пункта. Это был город Дорогобуж, расположенный в 40 километрах к северу от Ельни, которая в то время была уже захвачена противником.

Нам предстояло работать на сооружении дотов и в основном противотанковых рвов. Один такой ров достигал в ширину шести, а в глубину трех метров. Работа была тяжелая. За одиннадцатичасовой рабочий день надо было выкопать не менее шести кубометров земли. С такой нормой мало кто мог справиться. Работали без выходных. Некоторые ребята, достигшие 18 лет, изъявляли желание уйти на фронт. Их просьбы удовлетворялись. Кормили нас сносно, давали по 900 граммов хлеба, в основном преобладала овсянка. Спали мы в колхозных сараях.

Каждое утро вдоль траншей проходила табельщица, молодая, симпатичная женщина. Вскоре мы узнали, что она учительница, а фамилия ее Чиркова. Во время обхода она частенько останавливалась возле меня. Ребята даже стали подшучивать надо мной. Увидев табельщицу, приближающуюся к нашему участку, предупреждали: «Володь, идет твоя Чиркова». Ни с того, ни с сего она стала «моей». А я в то время, «положил глаз» совсем на другую девушку, которую видел в составе московской группы. У нее были две коротенькие рыжеватые косички. Ее имя так и осталось для меня неизвестным.

Будучи каким-никаким командиром, я не мог относиться к работе с прохладцей и поэтому выматывался по-полной. Но группа деревенских ребят из нашего района не отличалась трудолюбием. Их возглавлял парень, не расстававшийся с балалайкой. И на работу, и с работы ватага окружавших его ребят ходила под пение частушек. Многие слова в них были нецензурными. Особенно девушкам подобное творчество не нравилось, хотя, на мой взгляд, некоторые куплеты не лишены были остроумия. Мне врезалась в память одна частушка, в которой были такие слова: «Хоть сапоги хреновые, зато портянки новые». Правда, одно из слов я здесь все-таки заменил.

Однажды наш комбат поручил мне отыскать новое место для ночлега. Мне долго не удавалось найти подходящий сарай. Наконец, я набрел на достаточно просторную, деревенскую баню, в которой был не только деревянный пол, но и полки, вроде бы пригодные для сна. Поздним вечером, когда я привел уставших людей на ночлег, на меня посыпалась настоящая брань. Оказалось, что выбранное мной пристанище ранее использовалось в качестве ... туалета. Больше всего досталось мне от балалайщика. Прогнившая полка, на которой он устроился на ночлег, не выдержала его веса, и он свалился прямо на грязный пол.

С 30 августа по 9 сентября наши войска, возглавляемые Георгием Константиновичем Жуковым, добились первых серьезных успехов в

районе Ельни, закончившихся освобождением этого города. Пушечную канонаду мы отчетливо слышали, а в сумерках видели и зарево пожаров!

В один из первых дней сентября вдоль наших противотанковых рвов пролетел немецкий бомбардировщик «Хенкель-111» и сбросил на работающих бомбы. Поднялась паника. Одни просто попадали на землю, другие пытались бежать. Я тоже побежал в сторону ближайшего леса. Земля дрожала от разрывов бомб, закладывало уши.

Во время первого захода самолета бомбы упали на некотором удалении от нашего участка траншеи. Зато при втором заходе одна из бомб упала как раз на то место, откуда я успел убежать. Меня спасла та небольшая щель, которую мне удалось кое-как выкопать за время разворота самолета. Наконец, бомбардировщик удалился. Я вернулся в траншею и убедился, что мои товарищи, слава Богу, живы. Затем прошел чуть дальше и увидел несколько убитых и разорванное на части женское тело, возле которого валялись две рыжеватые косички.

Мои одноклассники, спасшиеся от бомбежки, недолго думая, покинули трудовой фронт и самостоятельно добрались до дома. Я же, будучи комсоргом школы, так поступить не мог, памятуя об оказанном мне доверии. И мне, как и всем оставшимся в прифронтовой полосе, не считаясь с физической усталостью, пришлось проработать здесь еще около трех недель. Но это все было потом. А сразу после вражеского налета трупы убитых были похоронены, а раненые отправлены в госпиталь. Перед нами была поставлена новая задача: копать противотанковые рвы и сооружать блиндажи уже на новых позициях. Однако 30 сентября после прорыва противником нашей обороны в районе Ельни на вяземском направлении руководство принимает решение прекратить работы. Нам предстояло самостоятельно добраться до ожидавшего нас эшелона, то есть, пройти расстояние не менее 60 километров.

Это расстояние мы преодолели за какие-нибудь 12-13 часов. Стремление как можно скорее добраться до заветного полустанка было

вызвано еще и тем, что нас могли настигнуть моторизованные части фашистской армии. Мы все настолько обессилели за этот марш-бросок, что едва смогли самостоятельно подняться в вагон. Так закончилась эпопея с трудовым фронтом и первое знакомство с той войной. Что касается сооруженных нами блиндажей и противотанковых рвов, то они, к сожалению, так и не послужили серьезным препятствием на пути фашистских войск к Москве.

Глава 3

Эвакуация

В первой половине октября 1941 года стояли прекрасные дни золотой осени. Близлежащий лес был сказочно красив. Желтая и оранжевая листва деревьев перемежалась с зеленью елей и сосен. На их фоне выделялись ярко-красные кустарники. Когда-то я с удовольствием бродил по этому лесу, собирая ягоды и грибы. Фронт уже значительно приблизился к нашему поселку, о чем свидетельствовали доносящиеся до наших ушей звуки пушечной канонады, а по ночам можно было видеть и зарева пожаров.

Поселок заметно опустел. Однако появилось много военных. Это был 4 батальон Подольского пехотного училища, который должен был держать оборону в Детчинском районе. Все ребята были молодые, многим из них нравились местные девушки, кто посмелее – заводил знакомства. А через 2-3 недели большинство из этих ребят погибло в ожесточенных боях с противником, наступавшим на Москву с юга. На месте тех кровопролитных боев теперь стоит обветшалый монумент, к которому местные жители ко Дню Победы приносят живые цветы.

Накануне оккупации нашего района я не знал, как поступить с комсомольскими делами, которые были у меня на руках. Я сходил в райком комсомола, а затем в райком партии. Но они были уже закрыты. Что же мне делать? Мама и мои родственники убедили меня уничтожить списки комсомольцев. С тяжелым сердцем я сжег все эти документы. Однако свой комсомольский билет я решил сохранить.

Моя мама приняла твердое решение эвакуироваться. Вместе с нами покинуть Детчино согласился мой двоюродный брат Слава и сестры Женя и Светлана. Но встал вопрос об остающихся в оккупации родственниках.

Необходимо было оставить им хоть какой-то, хотя бы минимальный запас продуктов. Все магазины в поселке были уже пусты. Купить что-то невозможно. Но вдруг в расположенной рядом с нашим домом уже бесхозной пекарне мы случайно обнаружили мешок пшеничной муки и бочку со сметаной. И то и другое мы перевезли на коляске домой и спрятали в подполе.

Наконец, мы простились с остающимися родственниками, которые, как и мы, не были тогда уверены в возможности нашей будущей встречи. Наш путь лежал в сторону Москвы. Сначала шли пешком с тяжелой поклажей. Кроме зимней одежды мы прихватили в дорогу и пироги, испеченные из той самой муки. По пути нас подобрал военный грузовик, доставивший нас на окраину Малоярославца. Ночью прошли пешком через затемненный город. Его вид вызвал у нас какое-то зловещее чувство. Остаток ночи провели в крайнем доме ближайшей к Малоярославцу деревни Коллонтай. Хозяева оказались учителями и в приеме нам не отказали. Далее до Подольска добирались на попутной военной машине. Часто на дороге встречались воронки от разрывов бомб, которые приходилось объезжать. К счастью, нас ни разу не бомбили, очевидно, мешала пасмурная погода.

От Подольска до Москвы доехали на электричке. Двух моих сестер, Женю и Светлану, удалось сразу же отправить с Курского вокзала к тетке в Горький. Уже без девочек мы спустились в метро. К этому времени движение электропоездов прекратилось, в ночные часы метро превращалось в бомбоубежище. На станцию хлынул поток людей, это были в основном старики и женщины с детьми. Мы спустились по эскалатору на перрон. Деревянные щиты были уложены прямо на рельсы. Нас сморила усталость, и, подстелив под себя зимнюю одежду, мы уснули крепким сном.

Целью поездки была деревня Назарьево, находящаяся в Загорском районе. Здесь жила семья брата моей мамы. Мы надеялись, что Красная

Армия вряд ли допустит захвата Москвы и Подмосковья. Однако в конце октября вражеские войска приблизились к Москве почти на 30 километров, примерно на таком же расстоянии находился и Загорск от переднего края. Мы решили покинуть Загорский район.

Теперь наш путь лежал в город Грязи, где проживала семья моего дяди Александра Ивановича Суходровского. Ехать надо было с несколькими пересадками. Сначала добрались до города Александрова. Здесь нам нужно было пересестъ на Орехово-Зуевский поезд. И вдруг оказывается, что нужный поезд уже стоит на путях, готовый к отправлению. Мама поручила мне купить билеты, а сама с братом втиснулась в уже заполненный пассажирами вагон, пообещав проводнику предъявить билеты чуть позже. Я побежал на вокзал, касса оказалась закрытой, – нашел кассиршу, и она пообещала вернуться в кассу. О том, что поезд все еще стоит на путях, я мог судить лишь по неподвижному в вечерней темноте красному огоньку последнего вагона. Наконец, кассу открыли, покупаю билеты, судорожно расплачиваюсь, выбегаю на перрон и - о, ужас! Красный огонек медленно удаляется. Я попытался догнать последний вагон, но понял, что это невозможно. Оказалось, что следующий поезд в Орехово-Зуево отправится только через сутки. Эту ночь я провел на лавке вокзала.

На другой день я отправился в путь по шпалам, надеясь на чудо. До Орехово-Зуева было около 100 километров. Шел один, а вокруг заснеженное поле. Все время очень хотелось есть. В кармане было немного денег, но где и что на них можно купить в военное время? Добрел до первого полустанка, расположенного возле какого-то населённого пункта. Решил обратиться к местному начальству, и мне посчастливилось получить письменное разрешение на покупку одного килограмма хлеба в местной лавке. Через три-четыре километра я подошел к железнодорожному мосту. Мост охраняла женщина с ружьем. Она наотрез отказалась пропустить меня. Река еще не замерзла, и перейти на другой берег можно было по

деревянному мосту, сделав многокилометровый крюк. Я слезно умолял ее сжалиться. В конечном счете она сдалась, и я продолжил свой путь.

Не помню, сколько еще километров довелось мне преодолеть. К вечеру, обессиленный, добрался до какой-то сравнительно крупной станции, зашел в пустой вокзал, перекусил хлебом и тут же заснул на вокзальной лавке. Проснулся от пронизывающего холода. Светало. Я вышел на перрон. Оказалось, что скоро в Орехово-Зуево отправится паровоз. Машинист оказался сговорчивым и согласился меня подвезти. В знак благодарности я помогал ему в пути подбрасывать в топку уголь. Утром на следующий день я был уже в Орехово-Зуеве.

Дальнейшая наша поездка до станции Грязи была не менее трудной. Установилась настоящая морозная зима. Ехать приходилось на платформах, груженных станками и прочим заводским оборудованием, зимняя одежда не спасала от холода и ветра. На каждой большой станции были столовые, где по справке эвакуирующиеся могли получить тарелку мучнистого супа. Ночевали на вокзалах, спали сидя. Это поездка продолжалась около недели.

Глава 4

Жизнь в эвакуации

Название города Грязи запомнилось мне со школьных лет, когда прочитал биографию Максима Горького. В этом городе совсем еще молодому писателю пришлось жить и работать непродолжительное время. В 1936 году здесь поселилась семья моего дяди А.В. Суходровского. С тех пор город Грязи в нашей семье был на слуху. Мама сразу же устроилась в школу учительницей младших классов, а брата Славу, который был моложе меня на год, определили в возчики хлеба. Мама настояла, чтобы я до мобилизации в армию окончил 10-й класс.

В конце января 1942 года наш поселок Детчино был освобожден, Узнав об этом, мама и брат сразу же уехали домой, а меня оставили в Грязях. Условия для жизни и учебы были тяжелыми. Приходилось мириться с постоянным недоеданием, нормой хлеба в 400 г и лишенным мяса и рыбы обедом в столовой эвакупункта. В качестве деликатеса я мог иногда покупать у соседки немного квашенки (местное название ряженки) на скромные деньги, присылаемые мамой. В школе меня приняли хорошо, считая чуть ли не фронтовиком. А кроме того, я прославился своими математическими способностями, иногда даже отличники обращались ко мне за помощью в решении домашних заданий. У меня завязалась дружба с Колей Сенаторовым, Леней Маковым, признанным школьным поэтом, и Мишей Двуреченским, который лучше нас всех был приспособлен к трудностям жизни. В чем я впоследствии неоднократно убеждался. Несмотря на военное время, чувство молодости не покидало нас. В выходные дни собирались у кого-нибудь дома послушать пластинки, потанцевать. После занятий в школе провожали наших соучениц то в один

конец города, то в другой. А о том, что будет с нами в последующие дни войны, мы тогда и не задумывались.

Однажды в нашей школе появился преподаватель Воронежского техникума железнодорожного транспорта. Страна тогда особенно нуждалась в железнодорожниках. Оказалось возможным после окончания школы поступить в этот техникум сразу на второй курс. Я и мои товарищи, досрочно сдав экзамены за 10-й класс, приехали в Воронеж, где и стали студентами железнодорожного техникума. Мы выбрали профессию паровозного хозяйства, Преподаватели настолько заинтересовали нас своими предметами, что мы готовились стать машинистами либо механиками по ремонту паровозов.

Нам отвели комнату в общежитии. Отношения между нами были самые дружеские. Только один по фамилии Кузнецов проявлял заносчивость и жадность. Его родители, жители пригородного села, регулярно присылали ему продукты из подсобного хозяйства, и он, не стесняясь, на глазах у постоянно голодных товарищей выпивал сразу до десятка сырых куриных яиц. Студенческая стипендия у нас составляла всего 65 рублей, а обед в студенческой столовой стоил 5 рублей.

Стипендии на жизнь не хватало. За это время мама успела мне выслать 300 рублей и пару посылок с тетрадями, мылом и сухарями. Часть посылок в то время обычно разворовывалась, и мы к этому явлению стали привыкать.

Но больше всего нас беспокоило другое. Начиная с конца июня обстановка в городе становилась все более тревожной. Чуть ли не каждый день фашистские самолеты сбрасывали на город зажигательные бомбы. Нам студентам приходилось по очереди дежурить на крыше техникума. Однако во время моего дежурства, к счастью, ни одна зажигалка не была сброшена на техникум.

Вскоре в Совинформбюро стали появляться сообщения о продвижении фашистских войск в Воронежском направлении. На улицах

Воронежа появились плакаты: «Не отдадим родного города». Однако в начале июля руководство техникума приняло решение об эвакуации студентов в родственный техникум города Саратова. Мы получили справки, которые давали нам право пользоваться эвакупунктами для покупки продуктов по установленным нормам и ценам. И стали собираться к отъезду.

Глава 5

Снова эвакуация

4 июля 1942 г. мы со своими скромными пожитками пришли на вокзал. На вокзале творилось что-то невообразимое. На пути стоял пассажирский поезд, который с минуты на минуту должен был отойти в сторону Мичуринска. Это была последняя возможность уехать из Воронежа. Люди пытались хоть как-то втиснуться в переполненные вагоны. Мы обошли несколько раз состав поезда, но тщетно. Неожиданно Миша Двуреченский нашел место в промежутке между сцеплениями вагонов, и нам удалось втиснуться в переполненный тамбур.

Доехали до города Грязи, где мы остановились. Встретились с одноклассниками, и здесь нас ждало печальное известие. Во время одной из бомбежек города погибла наша одноклассница Тая Шуклова. Меня с ней связывала комсомольская дружба. Мы не раз выполняли с ней совместно общественные поручения. Помню, как-то ездили на снегоочистителе до ближайшей железнодорожной станции, где проводили беседу о победе наших войск под Москвой.

В Саратовском железнодорожном техникуме нас разместили в общежитии с прекрасным видом из окон нашей комнаты. Пребывание в Саратове явилось для нас как бы каникулами. Наше времяпровождение никто не контролировал. Да и питались мы, можно сказать, удовлетворительно. Мише Двуреченскому каким-то образом удавалось получать в эвакуационном пункте продуктов больше, чем положено. Впоследствии он раскрылся. Оказалось, что он просто подделал справку.

Это противоречило моим убеждениям. Меня в семье всегда учили быть честным и правдивым. Но как в данном случае я мог осудить своего верного товарища, с которым пошел бы даже в разведку? А, может быть,

подобный поступок не заслуживал столь серьезного осуждения в то суровое время трудной борьбы за выживание?

В общем, жили мы в Саратове неплохо: много спали, ходили в кино или в парк, где можно было увидеть эстрадные представления. В жаркую погоду купались в Волге. Однако, денег на жизнь не хватало. Приходилось подрабатывать. Так за распилку дров мы получали всего по 40 рублей, и литр молока в то время стоил тоже 40 рублей.

Глава 6

Рискованная поездка домой

В самом конце июля я решился на авантюрный шаг: надумал поехать домой в родное мне Детчино. Ехать в сторону фронта можно было только при наличии специального пропуска, на получение которого я не имел никаких оснований. На товарной станции я нашел эшелон, который должен был вот-вот отправиться в сторону Москвы. В составе поезда были низкие вагоны без крыш, груженные бочками с солидолом. Посмотрев по сторонам, я перемахнул через стенку одного из вагонов. Я надеялся, что милиции не придет в голову искать «зайца» в таком месте. Эшелон двигался чрезвычайно медленно и подолгу стоял на остановках. Тогда я решил ехать на пассажирском поезде на ступеньках вагона, держась за поручни. Нашелся и попутчик - мальчик беспризорного вида. Ехать на подножке, держась так крепко за перила, чтобы тебя не сдул ветер, - удовольствие, конечно, сомнительное. Но уж очень хотелось добраться до дома.

На одной из станций даже в кромешной тьме нас обнаружил дежурный милиционер. Он привел нас в отделение и потребовал документы. Я показал ему свой паспорт, который свидетельствовал о моем допризывном возрасте. Затем он бесцеремонно обыскал нас и в моем кармане нашел 150 рублей, которые тут же отобрал. У парнишки паспорта не было, а в кармане лежала молитва, написанная на бумаге. Милиционер отпустил меня, предупредив о военном трибунале. Мне было жаль моих 150 рублей, но я не унывал, поскольку он не нашел 100 рублей, спрятанных у меня в носках.

Дальше я решил идти пешком. Но сколько можно пройти, если до дома оставалось не менее 500 километров. Вторая попытка ехать на пассажирском поезде тоже закончилась приводом в милицейскую комнату.

Неожиданно я договорился с машинистом паровоза, благо опыт такой у меня уже был. И опять в знак благодарности я принялся подбрасывать уголь в паровозную топку.

Домой я добрался грязным, пропитанным угольной пылью. Мама обрадовалась моему приезду и тут же сообщила печальную новость. Почти все мои одноклассники из поселка погибли на фронте. Через несколько дней она снова проводила меня в Саратов. На основании оформленного пропуска я смог купить билет на пассажирский поезд. В дорогу мама дала мне, главным образом, вареной картошки. С двумя пересадками удалось доехать до Саратова за трое суток. Приехал поздно вечером, городской транспорт уже не работал. По пути в студенческое общежитие, на пустынной улице я встретил строй девушек-зенитчиц, которые пели, помню, песню со словами: «Не бывать фашистам в нашем поле чистом, в нашем небе ясном не летать врагам!».

В студенческом общежитии меня ждало неприятное известие. Студентов Воронежского техникума отправили в родственный техникум, находящийся в Актюбинске. За неимением пропуска до Актюбинска, мне опять пришлось добираться зайцем, но и тут моих товарищей уже не оказалось: их направили на спецработы в Чкалов. В Чкалове мне, наконец, удалось найти своих друзей. Они встретили меня по-братски. Заработав на ремонте железнодорожного моста немного денег, они угостили меня тушенкой, колбасой и вареной картошкой.

Главной новостью стало то, что местный военкомат уже призвал их в ряды Красной Армии и направил на учебу в Чкаловское военное училище зенитной артиллерии. На другой день я примчался в военкомат и попросил направить меня в это же училище. К счастью, мне не отказали. Встал вопрос о моих зимних вещах, которые мне уже были не нужны. Как всегда, помог Миша Двуреченский. Мы с ним отнесли все на базар. Таким образом, удалось выручить около 2700 рублей. Такой суммы у меня в руках еще никогда не было.

Глава 7

Несостоявшийся лейтенант

В Чкаловское зенитно-артиллерийское училище я был зачислен в числе 36 студентов Воронежского железнодорожного техникума. Это произошло в начале сентября 1942 года. Я был доволен, со мной оставались мои друзья Коля Сенаторов и Миша Двуреченский. К тому же, как мне казалось, зенитная артиллерия - высокотехнический род войск, где как раз и смогут пригодиться мои способности к математике. Над двухэтажным зданием казармы, куда поселили нас, висел лозунг: «Тяжело в учении, легко в бою. Суворов». Полностью мы осознали смысл этих слов несколько позже. Тем временем нам предстояло пройти три комиссии: мандатную, медицинскую и математическую. Наиболее неприятные ощущения я испытал на мандатной комиссии, которую возглавлял капитан, задававший весьма провокационные вопросы. Один из них был примерно таким: «О чем вы разговаривали с товарищем в общежитии техникума тогда-то?». Услышав подобный вопрос, каждый невольно начинал думать, что капитану что-то известно о наших разговорах. К счастью, мне удалось овладеть собой и ответить что-то вразумительное. Мой друг Коля Сенаторов, к сожалению, эту комиссию не прошел, и нам пришлось с ним расстаться.

Нас одели в курсантскую форму, выдали кители, брюки, ботинки с обмотками и новые портянки. Разместили нас на втором этаже казармы. Здесь вдоль длинного коридора располагалось множество открытых отсеков или так называемых кубриков. В каждом кубрике стояло по три ряда железных кроватей. На кроватях под одним одеялом, по двое, и спали курсанты. Со мной вместе спал, конечно, Миша Двуреченский.

Каждое утро мы вставали по команде «Подъем». За пять минут надо было успеть одеться и встать в строй. Будучи человеком медлительным, я, как правило, не успевал обуться полностью. Было стыдно числиться отстающим, так как я был группомсоргом взвода и членом комитета комсомола батареи. Я стал просыпаться раньше и, лежа под одеялом, наматывать портянки и даже надевать ботинки. Но однажды, в таком вот виде лежащим под одеялом и полностью обутом, меня случайно обнаружил наш старшина и, конечно, дал наряд вне очереди. Ночью мне пришлось мыть полы в коридоре и в кубриках. И я изо всех сил старался не задевать шваброй и не менять местами стоявшие под кроватями ботинки спящих курсантов.

Были в нашем взводе и неудачники, люди совершенно не приспособленные к суровой армейской жизни. Таким был курсант Бухтарев, над ним потешался весь взвод. По команде «кругом» он почему-то спотыкался о собственные ноги и едва не падал. Вскоре Бухтарева отчислили из училища, и дальнейшая его судьба осталась нам неизвестной. Мне было по-человечески жалко его, он был добрым, хорошим парнем.

Кормили нас по тем временам удовлетворительно, норма хлеба составляла 700 г. И, тем не менее, мы были всегда голодны. Поэтому выпадавшее изредка дежурство на кухне воспринималось как приобретение выигрышного билета. Однажды наш дивизион отвезли на обширное бахчевое поле подсобного хозяйства, где мы собирали урожай арбузов и дынь. Там мы отдохнули и от подъемов по команде, и от строевой подготовки. Но главное заключалось в том, что мы до отвала наелись арбузами и дынями. Однако потом ни арбузов, ни дынь нам, к сожалению, попробовать уже не пришлось. Весь собранный урожай развезли по квартирам офицеров нашего училища. На подсобном хозяйстве нам довелось поработать еще раз в октябре. На уборке картофеля. Тогда мы уже отъедались печеной картошкой.

Запомнилась мне одна курьезная история. В стене, которая окружала наше училище, была кем-то проделана достаточно большая дыра. Сюда обычно подходили местные жители, чтобы продать всегда голодным курсантам что-нибудь из съестного. Поскольку у меня оставались деньги от продажи зимней одежды, мы с Мишей, воспользовавшись перекурком, решили прикупить себе что-нибудь из еды. По ту сторону дыры уже стояло несколько местных жителей. Один дядька продавал буханку хлеба за 70 рублей. Не торгуясь, отдаем деньги и возвращаемся к отдыхающим курсантам.

Занятие по строевой подготовке проводил наш командир взвода лейтенант Ременник. Стоило нам подойти к взводу, как раздалась команда: «Становись!» Но как быть с буханкой? Миша сунул ее под левый рукав шинели. После команды «шагом марш» взвод двинулся в сторону казармы. Левая рука Миши осталась неподвижной. Лейтенант остановил строй и приказал Мише поднять руку. Буханка упала на землю. В итоге буханку хлеба пришлось во время обеда разделить на всех курсантов, сидевших за нашим столом.

Занятия проходили в учебном корпусе, который плохо отапливался. Отчасти это было даже хорошо. В холодном классе во время занятий было невозможно уснуть, хотя спать хотелось постоянно, особенно после ночных нарядов. Занимались мы по 9 часов, три из которых отводились на самоподготовку. В выходные дни курсантов водили в кино или на концерты самодеятельности. Однажды после бессонной ночи я отказался участвовать в очередном культурном мероприятии, надеясь выспаться. Но как это сделать, если все кровати идеально убраны? Проявив находчивость, решил лечь спать на полу, под двумя смежными кроватями. К сожалению, меня обнаружил дежурный по дивизиону. Выспаться так и не удалось. В виду того, что стояла довольно холодная морозная погода, я по рекомендации преподавателя ФИЗО начал после зарядки обтираться снегом. Таким вот способом борьба со сном продолжалась.

В ноябре в течение недели мы проходили огневую подготовку за городом, жили в землянках. Когда обстановка на фронтах, особенно под Сталинградом, стала крайне тяжелой, встал вопрос о направлении на фронт почти половины личного состава училища. В эту половину вошел и я. Моя мечта стать лейтенантом Красной Армии так и не состоялась.

Нас привезли на железнодорожный вокзал и разместили в товарных вагонах с нарами и «буржуйками». Сопровождал нас один из лейтенантов. Он должен был передать пополнение новому командованию. Вскоре мы узнали, что войдем в состав 6-ой гвардейской воздушно-десантной дивизии, дислоцированной в Ногинском районе Подмосковья. Настроение было неважное. Особенно сокрушался лежащий со мной рядом на нарах курсант. Он окончил весь курс и уже ожидал присвоения звания лейтенанта, но судьба сделала неожиданный поворот.

Постепенно мы успокоились. Ну что ж? Если придется участвовать в десантных операциях в тылу врага, значит, как думали мы, в этом и будет состоять исполнение нашего патриотического долга перед Родиной. Тем временем жизнь заставляла нас думать о насущном.

На одной из крупных железнодорожных станций по пути к Москве трое наших курсантов сумели выкрасть из соседнего эшелона ящик американской консервированной колбасы. Колбасу разделили по-братски. Часть колбасы вручили и нашему лейтенанту. Он отнесся к факту воровства абсолютно спокойно. Вспоминая об этом много лет спустя, я невольно провожу параллель с нашим, сегодняшним временем. Благосостояние современного общества несопоставимо с теми трудными военными годами, когда большинство людей не только недоедало, но и умирало от голода. И, тем не менее, сегодня мы каждый день узнаем о бесчисленных случаях воровства, ограблениях и мошенничестве. А разве процветающая сейчас коррупция настолько уж сильно отличается от воровства?

Глава 8

Несостоявшийся десантник

Через десять дней поездки сопровождавший нас лейтенант передал нас новому командованию в городе Ногинске. Таким образом, группа бывших курсантов зенитно-артиллерийского училища, в которую входил и я, пополнила один из полков 6-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Этот полк дислоцировался на территории бывшего пионерлагеря, в 9 км от Ногинска. Общая атмосфера в новой части показалась мне вполне доброжелательной. Понравился мне и новый командир взвода Аникин. До войны он был школьным учителем. Радовало и то, что продовольствием нас здесь снабжали по фронтовой норме: 900 граммов хлеба в день. Нас неплохо одели, выдав кроме шинелей телогрейки, а вместо ботинок с обмотками – сапоги и валенки. После принятия присяги нас вооружили не только огнестрельным оружием, но и финскими ножами.

Готовясь к предстоящей десантной операции, мы таскали по сугробам с помощью лямок волокушу с пулеметом и время от времени, ложась прямо в снег, «открывали огонь» по условному противнику. Инструкторы учили нас пользоваться парашютом ПД-5, а, главное, уметь его складывать так, чтобы в нужный момент он обязательно раскрылся. Кроме этого нас заставляли прыгать с трехметровой вышки и отрабатывать процесс приземления. Каждому предстояло выполнить три учебных прыжка, один из которых – в ночное время.

Примерно через пару недель командир взвода Аникин неожиданно предложил мне начать учиться в школе сержантского состава. Он добился соответствующего оформления, и я стал курсантом этой школы. Начались занятия, в которых в основном преобладала строевая подготовка. Однако

всего через несколько дней нас подняли утром по тревоге, вооружили и снабдили сухим пайком. Оказалось, что нашу дивизию приказано отправить на фронт. Так мы из десантников превратились в пехотинцев, хотя голубых петлиц на воротниках и финских ножей нас не стали лишать.

Нас везли на грузовиках по шоссе в северо-западном направлении от Москвы. Зима 1942-1943 гг. была суровой. Сверху мы были прикрыты брезентом, в который упирались наши головы. Брезент спасал от ветра и лишь частично от холода. В обеденное время иногда удавалось поесть и выпить чая в каком-нибудь теплом помещении. Останавливались на ночлег. Все дома по пути нашего следования обычно были настолько переполнены, что другой раз невозможно было даже пройти между вповалку спящими на полу солдатами. Когда не удавалось устроиться на ночлег в теплом месте, приходилось искать приют где-нибудь в амбаре или в сарае. Хорошо еще, если там было сено, в которое можно было зарыться.

Вскоре нас довели до Осташкова. Наши машины начали буксовать из-за очень глубокого снега. Ничего не оставалось, как идти дальше пешком. До переднего края надо было преодолеть не менее 150 километров. Моя ноша состояла из японской винтовки с ножом, который заменял штык, шестисот патронов, противогаза и сапог. Все это я нес в вещевом мешке. Ручной пулемет с моим напарником Василием Травиным тащили по очереди. По пути через каждый час наш помкомвзвода объявлял перекур. Я, как и некурящие курсанты, навзничь ложился на снег и мгновенно засыпал. Пятиминутный сон прерывался командой «подъем», которая, кстати, спасала нас от вероятности замерзнуть. Очередные две или три ночи нам посчастливилось провести в крестьянских избах.

В окрестностях одной из деревень состоялась церемония присяги воинов перед Знаменем дивизии. Наш комдив, генерал-майор, перед строем произнес клятву и при этом поцеловал полотнище знамени. Охрана знамени была возложена на нашу школу сержантского состава. С тех пор

знамя постоянно находилось в штабе дивизии, и мы, курсанты, по очереди стояли возле него на часах.

Через некоторое время со мной произошла неприятная история. Как-то наш взвод посетил капитан и незаметно для окружающих подал мне знак следовать за ним. Он завел меня в какой-то сарай и предложил быть осведомителем, то есть время от времени сообщать ему о настроениях бойцов нашего взвода. Роль стукача противоречила моим убеждениям. Но что я мог возразить работнику СМЕРШа, который, как и вся упомянутая организация, усердно искал среди наших воинов шпионов и инакомыслящих? Скрепя сердцем, я вынужден был согласиться с оказанным мне «доверием», выбрать псевдоним и дать письменную подписку. Единственное, что я мог сделать впоследствии, так это отнестись к своей обязанности формально. Капитан после этого не раз навещался в наш взвод и, поговорив с солдатами, слегка приподнимал над головой, а потом опускал свою шапку-ушанку. Это служило знаком, чтобы я следовал за ним. И тогда где-нибудь в укромном месте я сообщал ему о том, например, что некий солдат Ванин получил письмо от родителей, в котором они пишут о прохудившейся крыше. Или сообщал ему еще что-нибудь подобное. По сути дела это была безобидная и бесполезная информация.

Пару слов о моих командирах. Командиром взвода был младший лейтенант Васюков - бывший милиционер, занимавший когда-то должность начальника паспортного стола. Командовал взводом практически не он, а его помощник - старший сержант Вольвак, родом из Западной Украины. У него был низкий густой бас, а на его лице никто никогда не видел даже намека на улыбку. Общения с ним курсанты избегали, тем более что хорошего слова от него не услышишь. Мой командир отделения Лютиков был человеком сравнительно мягким, но, к сожалению, малообразованным и невоспитанным.

Мы продолжали двигаться к линии фронта. Как-то раз мы должны были заночевать в деревне, которой практически уже не существовало. Вместо этого мы увидели лишь пепелище с обугленными печами и трубами. И вот еще одна остановка где-то совсем рядом с передним краем. На этот раз наш взвод разместился в каком-то чудом сохранившемся амбаре, где мы могли спать на деревянном полу. Предыдущие два дня мы ничего не ели, подвоз продовольствия был невозможен из-за глубокого снега. А тут нам выдали сухой паек, состоящий из пяти сухарей и большой селедки. Таких вкусных селедок мне раньше никогда не приходилось есть. Я съел селедку и два сухаря. Оставшиеся сухари, преодолев себя, положил в свой вещевой мешок, который служил мне подушкой. Утром я обнаружил, что сухари у меня выкрали. Это было для меня потрясением.

Амбар мы покинули через сутки и заняли позицию в заснеженном сосновом лесу, поблизости от землянки командира дивизии, где находился штаб. Так начались наши фронтовые будни. Наконец мы узнали, что наше соединение будет участвовать в боях в составе войск Северо-Западного фронта.

Глава 9

Северо-Западный фронт

Задачей нашей 6-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии, видимо, было отвлечение сил противника на Ленинградском направлении. Хочется верить, что наша дивизия, которая участвовала в боях, хоть как-то помогла защитникам Ленинграда. Боевое крещение мы приняли в районе города Холм. Помню лишь название деревни – Кошельки, возле которой неоднократно бросаемые в атаку подразделения терпели серьезные потери. О количестве убитых и раненых нам не сообщали, оно было огромным. В подобных ситуациях даже отличившихся бойцов и командиров не награждали, не говоря уже о тех, кто остался лежать на поле боя.

Зима 1942-1943 годов, как я уже говорил, была на редкость суровой. Мы мерзли, несмотря на добротную одежду. Наше отделение, состоявшее из семи человек, спасал лишь костер, возле которого мы устраивались, подложив под себя хвойные ветки. У костра мы грелись, сушили портянки и предавались воспоминаниям не столько о женщинах, сколько о вкусной довоенной еде. Ночами мы спали, сидя, положив голову на плечо соседа. Когда начинала мерзнуть спина, поворачивались спиной к огню. Через каждый час кому-то приходилось выходить на мороз и стоять с винтовкой на посту у зачехленного знамени, возле землянки штаба дивизии.

Почти каждую ночь от искр костра начинала тлеть и дымиться вата на чьей-нибудь телогрейке. Не трудно представить, как выглядела после этого наша одежда: из обгоревших телогреек клочьями торчала вата, сапоги от огня становились дырявыми. В течение двух месяцев мы не были в бане, а подчас и не умывались из-за отсутствия воды. Нас ели вши, которые настолько расплодились, что их можно было нащупывать пальцами. Пойманных вшей бросали в костер. На теле появились болячки.

У меня на плече вздулся огромный фурункул. В санбате его вскрыли обычным скальпелем, без всякого наркоза.

Наконец, нам представилась возможность помыться в бане, организованной работниками санбата. Баня представляла собой большую палатку, в которой топилась печь, сооруженная из металлической бочки. На мерзлой земле, устланной хвойными ветками, стояло раздобытое где-то деревянное корыто, из которого, по всей видимости, когда-то поили коров. Это корыто заполнялось горячей водой. Солдаты, присев возле корыта, плескали на себя водой и намыливались выданными им кусочками хозяйственного мыла. Но прежде чем попасть в баню, надо было снять с себя одежду в другой палатке, расположенной приблизительно в двадцати метрах. Там одежда опускалась в бочку, так называемую «вошебойку», паразиты в ней уничтожались горячим паром. Между палатками была проложена дорожка из хвойных веток. Температура воздуха в этот банный день была около 15 градусов мороза. Когда одно отделение раздевалось, другое уже мылось. Случалось, что на узкой хвойной дорожке встречались бегущие в противоположных направлениях: один был уже чистым, а другой грязным и вшивым. Этот банный день запомнился мне еще и вот почему. В раздевалке среди кучи одежды, извлеченной из «вошебойки», не оказалось ни моих брюк, ни гимнастерки большого, 54 размера. А то, что мне достались, я просто не смог на себя натянуть. До вечера старшина искал хоть сколько-нибудь пригодную для меня одежду.

Но главным испытанием для нас было систематическое недоедание. Не решаюсь назвать это голодом. Тем не менее, многие солдаты страдали дистрофией. В нашей школе сержантского состава не было своей кухни, каждый боец получал продукты, в том числе и крупу, в сухом виде. Какое-нибудь варево или чай каждый готовил себе сам, держа котелок над костром на палке! Иногда в связи с затрудненным из-за глубокого снега подвозом нам не выдавали паек в течение двух-трех дней.

Однажды нашему отделению повезло. Это был единственный раз, когда мы наелись досыта. Оказалось, что кухонный котел одного из батальонов был почти доверху наполнен супом, а рядом с кухней - ни души. Мучимые голодом, мы не могли не воспользоваться этим. Прихватив котелки, помчались к заветному месту. Суп представлял собой заваренную в кипятке муку, приправленную комбижиром и небольшим количеством тушенки. Но мы с великим удовольствием съели аж по два котелка да еще запаслись едой впрок. На другой день мы узнали, что этот суп предназначался для брошенного в атаку подразделения, из которого в живых осталась всего лишь горстка солдат.

Кроме всего прочего нас постоянно подстерегала смерть. Однажды ночью рядом с нами прогремел взрыв. Немецкая мина ударилась о ствол дерева. Мы, как всегда, сидели возле костра. Неожиданно сидящий рядом со мной мой друг и ровесник Володя Луконин застонал. Осколки мины изрешетили накрывавшие нас сверху плащ-палатки, и один из осколков угодил ему в живот. Володя все время просил пить. Кто-то сказал, что при ранении в живот пить нельзя, да и воды у нас все равно не было. Костер уже почти догорал, было темно, глубокую и большую рану мы перевязывали при свете луны. Однако хлопоты наши оказались бесполезными, он вскоре умер на наших глазах. Через пару недель был убит солдат нашего отделения - Котов. Пятерым курсантам, оставшимся в живых, в том числе и мне, просто повезло. Можно считать, что нас спасло знамя дивизии, которое доверили охранять школе сержантского состава. Именно поэтому нам и не пришлось участвовать в боевых атаках, заканчивающихся огромными потерями.

Мы с нетерпением ждали весны, а когда она наступила, возникли новые трудности. Началось активное таяние снега. Приходилось то и дело менять позицию и форсировать водные преграды, погружаясь в ледяную воду чуть ли не по пояс. Достигнув возвышенного участка, мы у костра в

первую очередь сушили портянки. Однако нам это не всегда удавалось. Мы не успевали просушиться, как нас снова поднимали в поход.

Казалось, что этому не будет конца. Снабжение войсковых частей продовольствием стало еще более затруднительным из-за повсеместной распутицы. Голодные солдаты набрасывались на трупы ранее убитых лошадей, которые теперь выступали из-под снега, и финскими ножами отрезали себе куски далеко несвежей конины.

Был и такой случай. Один молодой солдат (не буду называть его фамилию), не выдержав испытаний, прострелил себе руку, надеясь попасть в госпиталь. Об этом стало известно командованию, возможно по доносу одного из осведомителей. Решением военного трибунала он был расстрелян перед строем.

Наконец, в апреле 43 года командование приняло решение нашу уже обескровленную дивизию отправить на отдых и дальнейшую передислокацию. Возвращение с передовой линии фронта до указанной нам железнодорожной станции было особенно трудным. Распутица на дорогах препятствовала быстрому продвижению уставших и сильно исхудавших бойцов.

Однажды ночью под тяжестью ручного пулемета и вещмешка с патронами я свалился в какую-то рытвину, заполненную жидкой грязью. Спасибо моему напарнику Василию Травину, который помог мне вылезти из нее. Он тут же взвалил пулемет на свои плечи. В тот момент к нам подошел политрук, которого на переднем крае я ни разу не видел. Политрук выдал целую очередь отборного мата и спокойно удалился. За последнюю неделю нашего трудного перехода на ногах у меня образовались кровоподтеки. И на привалах мне даже не удавалось снять с себя сапоги. Но вот, наконец, мы дошли до железнодорожной станции. В вагоне ожидавшего нас эшелона, обессиленные, мы попадали прямо на пол. Как раз накануне этого дня мне исполнилось 19 лет.

Глава 10

Отдых в тылу

Наш поезд двигался по направлению к Москве. Теперь мы спали уже не сидя возле костра, а лежа на полу товарного вагона. Постелями служили шинели и телогрейки. В наш рацион, кроме положенной тыловой нормы мяса и хлеба, теперь входил приготовленный на кухне крупяной суп. Однако чувство голода не покидало нас. И вот произошло неожиданное для меня событие, когда я оказался соучастником бытовой кражи. Признаться в этом нелегко. Но что было – то было.

После гибели моего друга Володи Луконина я близко сошелся со своим напарником Василием Травиным. Он был старше меня и имел достаточно большой жизненный опыт. С ним больше, чем с другими, считался и командир взвода. Меня Василий опекал, ведь в нашем взводе я был самым молодым. Наши спальные места в вагоне были рядом, да и выходили из вагона прогуляться на остановках мы обычно вместе. Все произошло на товарной станции возле Москвы. Мы, как всегда, вышли прогуляться из душного вагона. Было уже темно. Вдруг видим, что вдоль эшелона идет железнодорожник с фонарем и постукивает молотком по колесам вагона. Возле одного из вагонов он остановился и занялся чем-то явно подозрительным. Потом, как ни в чем не бывало, он пошел дальше. Выждав некоторое время, мы подошли к этому месту. В вагоне была приоткрыта дверь, из-за которой слышался храп спящего человека. Василий просунул руку в дверную щель и обнаружил там несколько мешков с салом. Один мешок был открыт, и тогда Василий финкой попытался отрезать от него хоть небольшой кусочек. Нож был тупой, перерезать свиную кожу не удавалось. Отчаявшись, Василий вытащил из мешка весь кусок, размером более полуметра. Сало мы сразу же спрятали

на «полке» под днищем нашего вагона. Конечно, по вполне понятным причинам, об этом никто ничего не узнал, но только до определенного времени. А я, таким образом, оказался в заговоре с человеком, совершившим кражу, или, проще говоря, его соучастником.

Путь на восток продолжался примерно неделю. Навстречу нашему эшелону один за другим шли эшелоны с пополнением для нашей армии. Это были молодые ребята, достигшие призывного возраста. Мы слышали, как они пели под гармошку, как радовались жизни. Мы понимали, что через некоторое время им будет совсем несладко, и что многие из них уже вряд ли вернутся домой.

1 мая 1943 года наш эшелон достиг станции Бутурлиновка. Раздалась команда о выходе из вагонов. Я обратился к Василию:

- А как же быть с салом?

- Лезь под вагон, достань сало с «полки», заверни в плащ-палатку, а сверток положи в свой вещмешок.

Я так и сделал. И вдруг узнаем, что у командира взвода кто-то выкрал ночью килограмм хлеба. Чтобы найти вора, он решил проверить вещмешки каждого. Час от часу не легче! Младший лейтенант построил взвод в шеренгу и приказал положить свои вещмешки на землю перед собой. По какой-то необъяснимой счастливой случайности сало в моем вещмешке обнаружено не было.

Нашему взводу предстояло пройти всю Бутурлиновку, а затем уже преодолеть последний десяток километров до места предстоящего отдыха. Из-за кровоподтеков и потертостей на ногах я не мог идти быстро. Тогда командир взвода разрешил идти отдельно и дал в сопровождение двух сержантов: командира отделения и санинструктора. Итак, мы втроем тронулись в путь по главной улице районного центра. Стоял прекрасный первомайский день. Мы шли мимо домов, возле которых на лавочках сидели женщины, в основном это были старушки. Они приветствовали нас как фронтовиков. Мы были оборванные, измученные дорогой, в

потрепанных, дырявых шинелей. По пути нас приглашали зайти то в один, то в другой дом, чтобы угостить испеченными к празднику пирогами и напоить чаем. Более того, на дорогу нам надавали еще кое-что из продуктов. Меня особенно поразило необыкновенное гостеприимство и милосердие простых людей.

В центре селения мы увидели школу, в которой размещался госпиталь. Мои сержанты попытались сдать меня туда для лечения, но со мной не было продовольственного и вещевого аттестатов. Зато меня осмотрел врач, и сестра, надрезав голенища, сняла с меня сапоги и наложила на раны повязки. Лишь к вечеру мы достигли окраины Бутурлиновки, Сержанты приняли мудрое решение - переночевать в одном из домов.

Семья, которая нас приютила, состояла из женщины средних лет и ее взрослой дочери, которую звали Марией. Хозяин дома был на фронте. Нам предложили отдельную комнату для ночлега, пол в которой устлали сеном. На ужин хозяйка наварила картошки. По случаю большого праздника моим спутникам захотелось выпить. Мы собрали необходимую сумму, и Мария сходила и купила у соседки бутылку самогона. Сели за стол, разлили самогон, а закусывать предстояло только одной картошкой. Мне, обладателю сала, стало как-то не по себе, заговорила совесть. Я вынул сало из вещмешка. Восторгу сержантов не было предела. Сваренную картошку заправили растопленным на сковородке салом-шкварками. О такой закуске в военное время можно было только мечтать.

Сержанты, с которыми я вынужден был считаться, решили, что сало нужно продать. По их просьбе Мария на другой день утром сбегала на базар и продала сало за 900 рублей. Вырученные деньги мы разделили на троих.

3 мая мы, наконец, прибыли к месту назначения. Лагерь, в котором нам предстояло отдыхать, располагался на опушке леса. Здесь и состоялся весьма болезненный для меня разговор с главным «добытчиком сала» -

Травиным. Конечно, я покаялся и отдал ему доставшиеся мне 300 рублей. Меня сразу же определили в санбат. В это время как раз из всех подразделений собирали дистрофиков, нуждающихся в лечении. И вот спустя пять дней я вместе со всеми занял место в грузовике, направляющемся в город Бобров.

Госпиталь в Боброве показался мне раем. Располагался он в обычной школе. Мы спали на кроватях с простынями и пододеяльниками. Кроме обычного для госпиталя трехразового питания, нам, дистрофикам, выдавался дополнительный паек. На полученную зарплату я смог покупать у местных жителей молоко, лепешки и семечки. В свободное время можно было гулять в парке или читать книжки. За неполный месяц лечения я успел прочитать два романа Тургенева, некоторые романы Бальзака, Джека Лондона и Шатобриана. Иногда к нам приезжали концертные бригады.

И вот этот «рай» закончился. 30 июня нескольких человек из нашей дивизии направили в старый Оскол. Помню большой сарай, в котором собрали выписавшихся из госпиталя. Шло формирование стрелкового маршевого полка. И опять - случай. В сарай вошел элегантный, даже красивый капитан и громко крикнул: «Кто уже служил в зенитной артиллерии?». Я, не колеблясь, выкрикнул: «Я». Нас оказалось двое. Случилось то, чего мне так хотелось. Я стал, наконец, зенитчиком, хотя и в звании рядового.

Глава 11

Курская битва

Курской дугой названа конфигурация линии фронта, полукольцом охватившая скопления наших войск с севера, запада и юга. В центре этого полукольца находился город Курск. Наша зенитная батарея занимала позицию в непосредственной близости от переднего края южной части Курской дуги. Батарея состояла из четырех автоматических зенитных орудий (37 мм), смонтированных на четырехколесных платформах и перевозимых автомашинами, которые отличались большой маневренностью. Пушку можно было вращать вокруг оси, а огонь из нее нередко приходилось вести прямо с колес. Дальность полета снарядов составляла от 2,5 до 3 км, стрельба велась короткими или длинными очередями со скоростью до двух выстрелов в секунду. Наши орудия были более всего приспособлены для уничтожения штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков. Результативность ведения огня в основном зависела от двух наводчиков, державших в руках горизонтальную и вертикальную баранки. Первый из наводчиков корректировал ведение огня, смещая направление ствола правее или левее, а второй опускал его или приподнимал. Поскольку полет трассирующих снарядов наводчики, как правило, видели сами, то и любое отклонение трасс от цели исправлялось молниеносно. После команды «Огонь!» ответственность за ведение огня ложилась на наводчиков, которые за оглушающим грохотом пушек последующих команд уже не слышали.

Командиром нашей батареи был старший лейтенант Дунин, командиром взвода - лейтенант Иванов, а командиром моего орудия - сержант Мохов. Я был четвертым номером в орудийном расчете, состоящем из восьми человек. Условия, в которых мне довелось

участвовать в Курской битве на Воронежском фронте, резко отличались от той обстановки, которая складывалась на Северо-Западном фронте. Там мы мерзли – здесь изнывали от тридцатиградусной жары. Там мы голодали – здесь кормежка была вполне приличной. При всем этом нам, зенитчикам, приходилось выполнять неимоверно большой объем земляных работ. Прежде чем занять огневую позицию, мы рыли для орудий котлован, так называемый «ровик», глубиной до одного метра и диаметром в девять метров. Затем надо было вырыть ниши для снарядов и щели для укрытия. Если позиция в течение суток не менялась, то мы вырывали для ночлега землянку, которую сверху перекрывали каким-нибудь подручным материалом в виде досок или жердей. Случалось и так, что начатые работы приходилось прекращать и перемещаться на другую позицию. В боях на Курской дуге такое происходило иногда по несколько раз в сутки. Поэтому лопату можно считать нашим вторым оружием.

Отчетливо помню длительную артподготовку, выполненную нашей полевой артиллерией. После наступившего затишья противнику удалось прорвать нашу оборону, Красной Армии пришлось отступить в тыл более, чем на 10 километров. Во время отступления наша батарея неоднократно меняла позиции, прикрывая пехоту от массированных налетов стервятников.

Танковое сражение на Прохоровском поле проходило с 12 по 15 июля. Наша батарея занимала позицию у восточного края этого поля. Небывалое по технической мощи сражение произошло буквально на наших глазах. Немцы впервые бросили в бой свои танки, так называемые «Тигры». Они отличались от советских «Т-34» более мощной броней. Но наши танки превосходили их быстроходностью и маневренностью. Над Прохоровским полем стояли клубы дыма и пыли, это не позволило нам видеть всю картину боя. Главное внимание было обращено на небо, где происходили воздушные бои. Падали то немецкие, то наши самолеты. 29-я зенитно-артиллерийская дивизия, в которую входил наш полк и батарея,

сформировалась всего полтора-два месяца назад. Наши воины были еще не обстреляны. Когда «Юнкерс-87» в ходе боя спикировал на батарею, мы увидели падающую прямо на нас бомбу. Все стоявшие на пушечной платформе и рядом с ней успели лечь на дно котлована и остались живы. Вместе с нами легли и два наводчика. Но если бы они проявили выдержку и продолжали вести огонь, то могли бы сбить самолет прямой наводкой.

В июле дни длинные, а ночи короткие, времени на сон почти не оставалось. Преодолевая усталость, приходилось не отходить от орудий, многократно открывать прицельный или заградительный огонь. И вот, наконец, нашей батарее удалось сбить первый вражеский самолет. Это был «Мессершмит-109». Вскоре на боевом счету появился второй сбитый батареей фашистский стервятник. Конечно, такое происходило не всегда, и заградительный огонь играл немалую роль в защите наших войск от воздушного противника.

Частая смена позиций продолжалась. Приходилось рыть «ровики» для орудий и щели в самых неожиданных местах, например, на поле с уже зрелой пшеницей, отчего так щемило сердце. Случалось, что мы останавливались на поле недавнего боя с лежащими на земле трупами солдат, как наших, так и противника. В открытых ранах погибших копошились опарыши, а воздух был пропитан трупным запахом. Довольно часто встречались подбитые танки, в которых уже разлагались тела обгоревших танкистов. Вспоминать об этом без содрогания невозможно.

Однажды, это было в конце июля, наша батарея заняла позицию рядом с деревней Черноглазовка Белгородской области. Деревня располагалась в долине небольшой речки. Было сравнительно тихо и спокойно. И тут какой-то неизвестный нам капитан указал нашему старшему лейтенанту на дом с черепичной крышей, расположенный за деревней, прямо среди леса. Капитан утверждал, что на чердаке этого дома находится наблюдательный пункт фашистского разведчика, который корректирует огонь немецких самоходок. Наш комбат загорелся желанием

ликвидировать наблюдательный пункт противника. По команде «Огонь!» все четыре орудия дали длинные очереди по указанной цели. Однако противником в ответ был открыт массированный огонь по нашей батарее из орудий гораздо большего калибра, чем наши пушки. Спасаться от артиллерийского огня было негде, так как мы не успели окопаться. Солдаты вместе с командирами бросились бежать в деревню. На бегу я увидел прячущегося в какой-то яме нашего комбата Дунина. Он выглядел испуганным и беспомощным. Когда мы добежали до первого дома деревни, появившиеся фашистские самолеты стали сбрасывать на деревню бомбы. Они рвались где-то рядом. Надо было найти укрытие. Забежали в сарай, нашли погреб и спустились в него. К нашему удивлению там стояли горшки с молоком, сметаной и даже медом. Упустить такой случай было невозможно, и мы тут же в погребе перекусили.

Когда наступило затишье и мы вернулись на батарею, нам стало не по себе. Перед нами лежало мертвое тело хорошего парня Виктора Семина. Он вовремя увидел, что начала гореть машина со снарядами, и не покинул батарею. Ему удалось потушить возгорание, но спасти свою жизнь не удалось. В отличие от нас он совершил подвиг. Кто-то предложил представить его к награждению орденом посмертно. Но командир батареи сказал: «А зачем ему теперь награда?» В похоронке, посланной его родителям, было сказано, что он погиб смертью храбрых. Были и еще раненые. Их отвезли на машине в санбат, а Семина мы похоронили на опушке леса вблизи деревни.

После освобождения Белгорода наша батарея заняла позицию в районе города Богодухова прямо на бахчевом поле. Земляные работы мы выполнили быстро, копать песчаный грунт не представляло большого труда. До мелочей помню, как на следующее утро мы были подняты по тревоге: в воздухе появились три «Юнкерса-88». Не успели занять места возле орудий, как услышали свист падающих бомб. Я дополз до ближайшей щели и залег в ней.

Было страшно. Земля сотрясалась и гудела, меня по пояс засыпало песком. Когда бомбежка закончилась и я выбрался из щели, то увидел лежащего окровавленного командира орудия Мохова. С трудом удалось перевязать глубокую рану на его спине. Уверенности, что он выживет, не было. Ранено было еще несколько солдат.

На другой день прибыл новый командир батареи, а Дунина отозвали в полк. Нам его было жаль, он был неплохим человеком, хотя и большим любителем выпить. Каким покажет себя наш новый комбат, старший лейтенант Крунин? Первое знакомство симпатии к нему не вызвало. Одно лишь меня обрадовало, что командиром нашего орудия был назначен мой приятель Семен Титков, который к тому времени уже имел звание младшего сержанта. Меня сделали наводчиком по углу места (вверх-вниз). Вечером того же дня командование поставило перед батареей задачу – прикрыть с воздуха прифронтовую станцию Беленихино, куда поставлялось эшелонами все необходимое для фронта.

Глава 12

Беленихино

Переброска нашей батареи с переднего края на станцию Беленихино состоялась глубокой ночью. Как нарочно, резко испортилась погода. Маршрут протяженностью в 150 км пришлось преодолевать под проливным дождем, грунтовая дорога стала предельно грязной. Мы, солдаты, сидевшие в кузовах ЗИС-5, насквозь промокли. Машинам не раз приходилось пересекать балки. Выбираясь из них, грузовики буксовали. Приходилось соскакивать с машин прямо в грязь и вытаскивать не только машины, но и прицепленные к ним пушки. Команда «Раз, два - взяли» раздавалась в ту ночь многократно. Мы не только промокли, но и были предельно грязными.

Будучи одним из самых молодых да еще не окрепшим после дистрофии, я настолько обессилел, что даже забираться в кузов после очередной «помощи» машине мне стало невероятно трудно. Поэтому, воспользовавшись кромешной тьмой, я залез под накрывавший пушку брезент и уселся на сиденье наводчика. Но тут меня, укрывшегося от дождя и согревшегося, сморил сон. А когда я услышал в очередной раз команду «Раз, два – взяли», выбраться из-под брезента не решился, боясь заслуженного гнева уставших солдат. И тут меня снова сморил сон. Не знаю, сколько я спал, но вдруг я почувствовал непривычно сильную тряску. Моя голова стала ударяться о металлический каркас, на котором держался брезент. При этом я слышал крик ужаса. Оказалось, что во время очередного подъема нашей машины из долины какой-то реки моя пушка оторвалась от тягача и помчалась на своих колесах прямо к реке. Наскочив на какое-то препятствие, передние колеса пушки повернулись, и она

остановилась в наклонном положении. Одновременно меня очень сильно ударило по голове каркасом.

Я замер, когда услышал приближающиеся к пушке голоса. Кто-то сказал: «Надо же! Въехала на минное поле и не взорвалась!». Мне ничего не оставалось, как подать голос из-под брезента и попросить помощи, чтобы выбраться из наклонившейся пушки. Однополчане меня ни в чем не упрекнули, а отнеслись ко мне как к герою.

Начинало светать, и через три-четыре часа мы заняли позицию рядом со станцией Беленихино. Здесь стояло несколько эшелонов, доставивших на фронт технику, снаряды и продовольствие. От станции на фронт уходили груженные автомашины.

Несколько слов о нашем новом командире батареи Крунине. Его непривлекательная внешность соответствовала скверным душевным качествам. Мы каждый раз убеждались в его невоспитанности и малограмотности. При обходе орудий он главное внимание обращал на блеск стволов и прочих металлических частей. Зная об этом, мы смазывали их маслом. Увидев блеск металла, Крунин произносил: «ПорядЫк», делая ударение на слоге «дык». Будучи службистом, он буквально упивался своей властью. Мы надеялись, что в относительном тылу мы сможем отдохнуть от фронтового напряжения и выспаться. А нам приходилось каждый день заниматься строевой подготовкой. Нас возмущало, что Крунин создал для себя особые условия. Комбат любил жареную картошку, и нам не раз приходилось видеть, как наш повар жарил ее в сплошном масле или жире. А мы в это время питались впроголодь, довольствуясь пайком, куда меньшим, чем на передовой. Примечательно, что другие двое офицеров, командиры взводов, питались из общего котла.

Однажды глубокой ночью раздалась команда: «Тревога». Поскольку мы спали в землянках одетыми, мы тотчас заняли свои места на орудиях. Разведчиком в эту ночь дежурил Саша Кузьмин, который умел определять тип самолета по звуку мотора. Комбат приказал наводить по звуку и дать

короткую очередь из трассирующих снарядов, что служило бы для самолета «запросом». Наши самолеты на подобный «запрос» отвечали, как правило, цветной ракетой. Самолет ракетой не ответил. Тем временем он сделал разворот. Кузьмин снова сообщает: «Со второго на четвертый, то есть, с востока на запад, шум мотора «Хенкель-111». Мы с нетерпением ждали, что комбат, наконец, прикажет открыть по самолету заградительный огонь, но приказа не последовало. Кончилось все печально: немецкий бомбардировщик сбросил на станцию большую фугасную бомбу. Наконец, была подана команда «Огонь», и наши орудия выпустили целый сноп трассирующих снарядов в сторону уже удаляющегося самолета. Момент был упущен. На станции творилось что-то невообразимое: пылало сразу несколько эшелонов. Были слышны крики людей.

Командир орудия Титков решил воспользоваться шоковым состоянием Крунина и поручил мне под покровом ночи сходить на станцию с вещмешком и лопатой, чтобы «спасти» хоть какое-то количество еще не сгоревших продуктов. Мне повезло в том смысле, что горящий вагон с американской тушенкой был далеко от вагонов с боеприпасами. Но и к этому вагону подходить было опасно. От огня банки взрывались и лопались. Мне все же удалось отгрести в сторону несколько десятков еще не взорвавшихся банок, эту тушенку мы потом ели с огромным удовольствием.

Через несколько дней к нам на батарею прибыл майор-следователь из дивизии. Он беседовал с нами, но в основном с Круниным, который представил дело в выгодном для себя свете. Таким образом, несмотря на бездарное командование батареей и явную вину Крунина, материальные и людские потери на станции Беленихино были списаны на войну.

Глава 13

Фронтовые будни

После описанного события на станции Беленихино наша батарея участвовала в следующих боевых операциях 2-го Украинского фронта: 1. Освобождение Полтавы. 2. Форсирование Днепра (в 40 километрах ниже по течению г. Кременчуга) и охрана понтонной переправы. 3. Освобождение Кировограда. 4. Освобождение г. Первомайска (на севере Одесской области), за что наша дивизия получила наименование Первомайской. 5. Освобождение северных районов Молдавии, в том числе города Бельцы. 6. Освобождение северо-восточных районов Румынии и города Ботошаны.

После переброски нашей 5-й гвардейской армии на 1-й Украинский фронт батарея участвовала в освобождении юго-восточных районов Польши, в том числе в сражениях на Сандомирском плацдарме (левое побережье Вислы). Упомянутому сражению будет посвящена следующая глава.

Во время проведения всех этих боевых операций тяжелая моральная и физическая нагрузка ложилась на плечи солдат-зенитчиков. Кроме ведения огня по противнику и выполнения самых необходимых земляных работ, приходилось рыть и обустривать землянки для офицеров, поочередно стоять на посту у орудий, обеспечивать кухню дровами и водой. Найти воду порой было очень сложно. А чтобы добраться до нее, надо было, иногда даже под обстрелом, преодолеть немалое расстояние да еще спуститься по склону к реке. Обратный путь с канистрами, заполненными водой, был еще труднее.

Иногда воду находили в какой-нибудь лужице среди болота. Однажды в доставленную из такого «источника» воду попала лягушка,

которая была сварена в супе. И надо же так случиться, что эта лягушка попала в мой котелок. Когда я ел суп, сидя на пушечной станине, то подумал, что мне здорово повезло: достался кусок мяса. А когда вытащил это «мясо», то увидел свисающую с ложки лягушачью лапку. Остаток лягушачьего супа я тут же вылил за бруствер «ровика». Это сделали и все остальные.

Земляные работы и работы по кухне выполнялись только солдатами. Правда, иногда некоторые младшие командиры и даже офицеры были снисходительны к своим солдатам и помогали им. Офицеров мы воспринимали как вышестоящий слой армейского общества. Любые их приказы являлись законом для подчиненных. Подчиненные даже не имели права жаловаться на них вышестоящему командованию. Такое положение соответствовало существовавшему во время войны воинскому уставу.

В нашем орудийном расчете я считался самым грамотным, поскольку имел среднее образование. Другие успели закончить семь или всего четыре класса школы, а вот сибиряк Арышев был совсем неграмотным, хотя отличался трудолюбием и глубокой порядочностью. Я подружился с солдатом другого орудийного расчета Порфирием Латышем, бывшим директором средней школы. Он был высоко образованным человеком, знал много песен и пел их красивым голосом. Однажды он провинился перед командиром батареи Круниным. Крунин построил батарею, вывел Порфирия из строя и заставил снять ремень. Потом приказал выкопать яму, в которой продержал его целые сутки. Допускаемые Круниным унижения и оскорбления солдат оставались безнаказанными.

Несколько позднее я подружился с другим солдатом, Владимиром Хоменко. Он был родом из-под Полтавы и до войны успел закончить 1-й курс архитектурного института. Его призвали в армию и отправили на фронт в западную часть Украины. В результате наступления войск противника он оказался в окружении, а затем попал в плен. Ему дважды удавалось бежать из плена, после второго побега он скрывался от

фашистов и украинских полицейских. Когда наша армия освободила Полтаву, Хоменко снова призвали в армию, и он попал на нашу батарею.

В начале марта 1944 г., когда наш передний край находился километрах в пятидесяти к западу от Кировограда, началась страшная распутица, техника практически не могла перемещаться по бездорожью, отстав от пехоты километров на 100. Доставка продовольствия прекратилась. Есть было нечего. И тут как-то случайно мы наткнулись на залежи картофеля, все еще хранящегося в гуртах под землей. Эту картошку с Володей Хоменко мы стали варить в землянке на «буржуйке». Ели с добавлением конского жира, который вырезали из недавно убитой лошади, обнаруженной поблизости от нашей батареи.

Наши офицеры частенько ходили в ближайшую деревню к одиноким женщинам-солдаткам. Там угощали их деревенской едой и самогоном, производство которого шло полным ходом. Для местных жителей самогон, можно сказать, был валютой, они с удовольствием обменивали его на что-нибудь из одежды. Один наш солдат докатился до того, что стал раздевать лежавших в окрестности батареи убитых немцев и менять их одежду на самогон.

Во время затишья медсестры из санбата посещали батарею для проверки личного состава на форму 20, то есть на вшивость. Если удавалось найти у кого-нибудь нескольких насекомых в нижних рубашках, то такой осмотр заканчивался очередной организацией бани и санобработкой одежды. Полковой врач-капитан иногда осматривал мужчин с целью выявления венерических заболеваний. В очереди стоял довольно забавный солдат Вася Кутилов, который славился большим размером своего мужского достоинства. Об этом знали все, в том числе и капитан. Когда Вася подходил к нему, военврач говорил: «Давай, вываливай». Раздавался общий смех, а Кутилов и медсестра смущенно улыбались. Всем было известно, что Вася очень переживал из-за невозможности удовлетворить свою сексуальную потребность. Но однажды ему удалось

все-таки уговорить дивизионную прачку. Как потом стало известно, это стоило ему скопленной годовой зарплаты.

На каждой из батарей было по девушке-санинструктору. Как правило, каждую из них опекал какой-нибудь офицер. Это оберегало их от притязаний со стороны других мужчин. Среди медработников полка выделялась Тася Курьянова. Она была хороша собой и очень общительна. С ней можно было говорить на любую тему. Будучи хулиганистой, она в разговоре могла вернуть крепкое словцо. В жаркие минуты боя, бесстрашно рискуя жизнью, она помогала раненым. Но однажды она стала жертвой чрезмерной своей доверчивости. Произошло это на территории Румынии. Она шла из батареи в санбат дивизии. По пути она проходила мимо минометчиков. Те заманили ее к себе в землянку, якобы на день рождения их сержанта, напоили спиртом, а потом изнасиловали всем минометным расчетом. Ее лечили в санбате, а через 3-4 дня она вернулась на батарею, как ни в чем не бывало.

Боевой путь батареи, который был обозначен в начале главы, продолжался 13 месяцев. За это время батареей было сбито около 15 самолетов. Важную роль играл и заградительный огонь, который ограничивал возможности вражеской авиации. Однажды нам пришлось открыть огонь даже по немецкому танку. Произошло это в конце декабря 1943 г. на Кировоградском направлении.

Наша огневая позиция располагалась рядом с деревней, в которой размещался штаб дивизии. До ближайших домов было не более трехсот метров. Неожиданно возле наших пушек остановился «Виллис». Из машины вышел полковник, начальник политотдела дивизии. Я обратил внимание, что он награжден тремя орденами Красного Знамени. Полковник зашел в «ровик» нашей пушки, с каждым поздоровался за руку и стал расспрашивать о нашей фронтовой жизни. Нас всех тронуло его внимание. В этот момент мы услышали шум танковых моторов со стороны западного края деревни, по улице бежали штабные военнослужащие,

некоторые из них были полураздеты. Они спасались от прорвавшихся в деревню немецких танков. Комбат успел скомандовать: «Заряжать бронебойными», а сам исчез, возможно, спрятался. Заряжая пушку, мы и не заметили, как из нашего «ровика» исчез и полковник. Лишь увидели, как он подбежал к машине. Улица деревни опустела, и мы увидели танк, по которому выпустили очередь бронебойных снарядов. Но этот танк, как потом оказалось, был уже подбит одним из пехотинцев, который успел бросить под его гусеницы противотанковую гранату. Таким образом, танковая атака была сорвана.

Глава 14

Сандомирский плацдарм

13 августа 1944г. - траурный день для нашей батареи. В этот день она лишилась примерно третьей части своего состава. Это произошло на Сандомирском плацдарме. Но все - по порядку.

Накануне ранило моего командира орудия Семена Титкова. Я был тогда первым наводчиком и предполагал, что комбат Крунин доверит командование орудием мне. Но Крунин недолго любил «слишком грамотных». Его выбор пал на второго наводчика - Хайруллина, хотя боевой опыт у него был небольшой. Случилось так, что при переезде на другую позицию, когда батарея миновала понтонный мост через Вислу, шофер не удержал машину при подъеме по склону, и она попятилась назад, прижав к пушке находившегося у прицепа Хайруллина. Он был сразу же отправлен в санбат. Комбату ничего не оставалось, как назначить командиром орудия меня.

Подъехали к деревне, возле которой стоял костел, окруженный высокой каменной стеной. Неожиданно мы увидели бегущего по улице поросенка. Стоило мне сказать шоферу: «Смотри, не задави животное», как он специально наехал на поросенка и задавил его. Солдаты, сидевшие на платформе пушки, не растерялись и подхватили тушу. Вскоре комбат остановил машины, решив занять позицию по другую сторону от костела, на пологом склоне, обращенном на запад. После размещения орудий на выбранной площадке машины были отправлены за ограду костела.

Началось окапывание орудий и рытье щелей для укрытия. Но вырыть «ровик» и щели до нужной глубины нам так и не удалось: в небе появились три «Юнкерса-87». По команде: «К орудиям!» я занял место первого наводчика. Одновременно я оставался и командиром орудия. Один самолет

из трех был тут же нами сбит. Мы раньше других открыли огонь и четко видели траекторию полета наших трассирующих снарядов. Но чьи снаряды достигали цели, всегда решал сам комбат. Через минуту-другую началось невообразимое. По батарее открыли массированный огонь самоходные немецкие орудия, расположенные не далее как в трёх километрах от нас. Снаряды рвались поблизости, а мы пытались спастись, кто как мог. Четверо распластались на дне орудийного «ровика», который нам так и не удалось выкопать до необходимой глубины, а наш заряжающий лег на дно недорытой щели, я лег поверх него. Самым нерасторопным оказался подносчик снарядов Комаров. Он был старше нас, ему было около пятидесяти, и мы называли его «стариком». Он бросился к нашей щели и лег поверх меня. Мы постарались предельно сжаться, но вместиться в наш окоп полностью он уже не смог. Угроза для батареи резко возросла, когда два «Юнкерса» из той тройки, по которой мы уже открывали огонь, развернувшись, стали пикировать на нашу батарею. Так что, кроме снарядов, на батарею рвались и бомбы. Земля тряслась, мы практически оглохли. Лежащий поверх меня Комаров застонал, его ранило в бок, видимо осколком бомбы. А мы ничем не могли ему помочь. Ему достался тот осколок бомбы, который мог достаться мне.

Отбомбив, самолеты удалились, а артобстрел все еще продолжался. Не помню сколько времени мы пролежали в щели. Когда артобстрел, наконец, прекратился, я и заряжающий встали и осмотрелись. Комаров был еще жив. Мы вдвоем перевязали его огромную рану. Надежды, что он останется жить, было мало. В этот момент меня увидел командир взвода лейтенант Иванов. Как потом стало известно, он оказался единственным из офицеров, оставшимся в живых. Увидев меня, он приказал бежать к костелу за машиной, чтобы перевезти орудия и людей в более безопасное место по другую сторону костела.

Бежать по открытому полю почти полкилометра опасно, но приказ - есть приказ. По пути я увидел одного из командиров взводов, тяжело

раненного в пах. Его рана была покрыта пенистой кровью. Затем я увидел тяжело раненного комбата Крунина, рану которого перевязывал его ординарец. Тяжелое ранение и последующая смерть в госпитале стали для него как бы возмездием за бездарные тактические решения и жестокое отношение к солдатам.

Мой бег до костела раза три прерывался возобновлявшимся пушечным обстрелом. Я падал на землю, чтобы обезопасить себя и отдышаться. Наконец, я был за оградой и принялся искать своего шофера. Нашел водителя другого орудия - Марченко. Передал ему приказание лейтенанта. Он завел машину, и мы с ним помчались на позиции на предельно возможной скорости. Этот бросок на колесах был не менее опасным, поскольку шум мотора заглушал свист летящих снарядов.

Теперь нам предстояло выкатить пушку из «ровика». Угроза обстрела прибавила нам силы. Если раньше в относительно спокойной обстановке восемь человек едва справлялись с этой операцией, то теперь это нам удалось сделать впятером. На платформу пушки мы забрасывали тридцатикилограммовые ящики со снарядами как пушинки. Нам с Марченко удалось вывезти с поля боя еще пять пушек вместе с их орудийными расчетами и с трупами погибших. Все раненые были отправлены в госпиталь.

Мы похоронили погибших товарищей, в том числе командира орудия Боброва и моих друзей Латыша и Михайлова по ту сторону костела. Михайлов на нашей батарее появился сравнительно недавно, он окончил Рабфак, военное училище и потом военную академию. Он побывал в плену, а когда снова попал в армию, стал скрывать свое прошлое. Он был скромным, простым и веселым человеком. Всех погибших мы завернули в шинели и опустили в могилу. На помин их души выпили по 100 граммов выданной нам водки и закусили поросенком, которого утром задавили на деревенской улице.

Через неделю мы узнали, что лейтенант Иванов, принявший на себя командование батареей в тот страшный день, награжден орденом Александра Невского. За сбитый немецкий самолет орденом Красной Звезды наградили дальномерщика Крылова, ординарца Иванова. Новый комбат нам объяснил, что Крылов был представлен к награде потому, что оформил сбитый орудийными расчетами самолет. Кстати, следует заметить, что каждый сбитый батареей самолет считался действительно сбитым, если этот факт задокументирован. При этом должен быть составлен соответствующий акт с подписью свидетелей и заверен штабными печатями. А упомянутого Крылова, когда сбили самолет, даже не было на батарее. Зато находить свидетелей успешной стрельбы он умел, как никто другой. Меня комбат не представил даже к медали, возможно забыл, что в спасении батареи кроме него самого участвовали и мы с Марченко. Моя обида была глубокой, но я не стал напоминать о себе. В конечном счете, обоим награжденным завидовать не приходится: Крылов вскоре был убит, а лейтенант Иванов тяжело ранен.

Глава 15

И снова курсант

Когда после жарких кровопролитных боев на Сандомирском плацдарме наша батарея уже стояла на другой позиции вблизи Вислы, фронт стабилизировался. Наступление наших войск прекратилось ввиду усиленного сопротивления противника. Нами было сбито еще два вражеских самолета, но мы потеряли одного солдата. К нам на батарею пришло новое пополнение. Теперь в моем орудийном расчете был полный комплект. Моего друга Хоменко, первого наводчика, наградили медалью «За отвагу» и перевели на другой орудийный расчет.

Новым командиром нашего взвода стал лейтенант Павел Поляков. Более теплого отношения к своему непосредственному командиру я не испытывал ни до, ни после. Поляков был старше меня лет на пятнадцать, родом из Апрелевки, почти земляк. Ко мне он относился по-отечески и фактически стал моим наставником. Заглядывая вперед, обмолвлюсь о моей встрече с ним уже после войны в 1947 году. Он к тому времени демобилизовался и жил в своей родной Апрелевке. Я навестил его, будучи уже младшим лейтенантом. Он встретил меня с распростертыми объятиями и, обратившись к жене, пояснил: «Ты знаешь кто это? Мы же умирали вместе».

На нашу батарею пришла разнарядка: направить одного из командиров орудий на фронтовые курсы младших лейтенантов. Обратились ко мне, как к молодому коммунисту и комсоргу батареи. Я отказался. Война уже заканчивалась, а я еще не имел ни одной награды. Представлял, как мне будет стыдно возвратиться домой, не имея даже медали. А как бы я выглядел рядом с моей мамой, учительницей, которая, работая в тылу, была награждена орденами Ленина и Трудового Красного

Знамени? Не зная, что делать, я обратился за советом к своему командиру взвода. А он стал меня убеждать принять данное предложение. Он говорил, что я еще молод, что у меня есть родные, которые ждут моего возвращения, а надеяться на быструю победу пока еще рановато. Короче говоря, он убедил меня, и я дал свое согласие.

Курсы младших лейтенантов размещались на территории довоенной казармы в польском городе Ланьцуте. Продолжительность учебы составляла шесть месяцев. Большинство курсантов имели звания от младшего сержанта до старшины. Один я был всего лишь ефрейтором. И все, кроме меня, были награждены либо медалями, либо орденами Славы. Правда, в моей характеристике было сказано, что моим орудием было сбито три вражеских самолета.

Мы жили в казарменных условиях. Кормили нас несколько хуже, чем на передовой. Некоторые курсанты принаровились тайком разбирать брошенную на территории казармы конюшню и продавать доски местным жителям. На вырученные злотые покупали кое-что из продуктов. Я подружился с Борисом Зарецким. Он для меня стал верным и надежным другом.

Начальник наших курсов, старший лейтенант, был большой моралист. Однажды во время очередного нравоучения, которое он нам читал перед строем, пошел дождь. Дождь становился все сильнее. Вскоре мы все промокли насквозь. Однако старший лейтенант будто этого и не заметил. Я шепотом, едва слышно, сравнил его с бездушным милиционером. На другой день старший лейтенант вызвал меня в свой кабинет, и за «милиционера» я схлопотал себе сутки гауптвахты. Пришлось снять ремень и приняться за уборку нечистот на территории казармы. Мы с Борисом заподозрили, что моя реплика о «милиционере» была доложена старшему лейтенанту стоявшим рядом со мной в строю курсантом. Правда, у нас не было прямых улик.

Время тянулось медленно, а нам уже хотелось сменить нашу «жизнь в строю» на более свободный фронтовой режим. Конечно, мы знали, что на передовой придется спать не на кроватях, а в землянках, не раздеваясь. Но это нас не пугало. Главное было в том, что мы невольно оставались в стороне от тех важных событий, которые происходили на фронте. 15 февраля 1944 г. мы, наконец, сдали государственные зачеты, а вскоре пришел приказ о присвоении нам званий младших лейтенантов. Нас одели в офицерскую форму с золотыми погонами.

Итак, после всех описанных выше солдатских испытаний, я поднялся на вышестоящую армейскую ступень, которая мне ранее казалась недоступной. Я почувствовал себя более свободным человеком в правовом отношении, а, главное, более востребованным. Изменилось и отношение ко мне со стороны окружающих: солдаты и сержанты стали отдавать мне честь.

Кроме того, теперь я имел некоторые материальные преимущества: вместо ботинок с обмотками мне выдали сапоги, вместо хлопчатобумажного обмундирования - шерстяное. Как офицер я стал получать дополнительный продовольственный паек.

Глава 16

В логове врага

28 февраля наша группа в составе четырех офицеров покинула Ланьцут и направилась на фронт, каждый в свою часть. В состав группы входили: я и мой друг Борис Зарецкий. Добирались самостоятельно, пользуясь попутным транспортом. Первая остановка с ночлегом была в Кракове, где сердобольная пани не отказала нам в приеме и даже постелила свежее постельное белье. Мы в свою очередь отблагодарили ее кое-какими продуктами из наших запасов.

Через некоторое время мы добрались до Ченстохова, который расположен в промышленной Силезии. Далее на Запад мы ехали на трамвае. Ехали долго, наш трамвай оставил позади Ченстохов и пересек несколько населенных пунктов, практически соединенных друг с другом. По обе стороны дороги тянулись жилые дома и заводы. Между тем пассажиры, входящие в трамвай, смотрели на нас настороженно. Пожилые люди, несмотря на возраст, старались уступить места военным. И мы поняли, что находимся в Германии.

Вечером мы решили сойти с трамвая и переночевать в одном из коттеджей, очень похожих на те дома, которые за последние годы у нас в России строят себе обеспеченные люди. Нам казалось, что победителей встретят здесь с распростертыми объятиями. Но мы ошибались. Ни в одном из трех домов, в которые мы стучались, дверь нам не открыли. Подошли к четвертому дому, стали стучать в дверь что есть силы и не только кулаками, но и сапогами. Наконец, услышали визгливый, истеричный голос. Хозяйка открыла нам дверь. На нас обрушился целый поток причитаний. Одно из произнесенных слов, а именно «забрали», она произнесла по-русски. Мы знали, что наши солдаты, ворвавшись в

«логово» врага ценой колоссальных жертв, не могли сдерживать свою ярость и обрушивали ее на местных жителей. Ведь это были родители, жены, сестры тех самых фашистов, которые убивали, грабили и насиловали наших женщин.

И все же наши солдаты, в отличие от фашистов, вели себя, можно сказать, благородно, однако случаи изнасилования немецких девушек были, хотя они, как правило, сразу же пресекались. А вот неоднократно услышанное мной слово «забрали» означало вот что: в Германии к этому времени уровень жизни был куда более высоким по сравнению с нашим. Да при всем этом война, которая преимущественно шла на нашей территории, сделала наш бедствующий народ нищим. Чтобы хоть как-то компенсировать причиненные войной убытки, советским воинам разрешали раз в месяц посылать из Германии посылки на родину: офицерам – по 10 кг, солдатам и сержантам – по 5 кг. Но где же взять вещи и продукты? Вот так и возникло это русское слово – «забрали»

Между тем хозяйка дома продолжала причитать. Мы объяснили ей, что нам ничего не нужно кроме ночлега. В конце концов, она показала нам комнату, где стояли три кровати и диван. А также там был еще гардероб, набитый одеждой.

Утром перед завтраком я сходил в расположенный поблизости продпункт и получил по нашим аттестатам продукты. Зашел в пекарню, попросил хлеба. Пекарь-поляк выдал мне четыре буханки, взяв с меня расписку для своего отчета. Тем временем наш старший лейтенант вытащил часть одежды из гардероба и набил ею свой чемодан. Нас возмутил его поступок, ведь мы ехали не отдыхать, а воевать, И мы решили с ним расстаться.

Запомнилась мне еще одна остановка на ночлег в каком-то небольшом селении, через которое только что прошли передовые части нашей армии. Не поворачивается язык назвать это селение деревней. В нашем понимании деревня состоит из деревянных изб и немощенной

улицы. Здесь же каждый из одноэтажных домов представлял собой красивый кирпичный коттедж. Мы обошли несколько домов и были поражены увиденным. Зеркала, трюмо и люстры были разбиты, повсюду валялась разбросанная одежда и белье. Будто бы все это специально крушили, били, уничтожали. Возможно, что таким образом наши солдаты мстили немцам за все испытания и трудности, через которые им пришлось пройти. Но есть и другая причина чисто психологического характера. До войны мне пришлось побывать в избах многих наших деревень. Обстановка в них была скудной: деревянный стол и лавки вдоль стен. Не в каждом доме были кровати. Старые люди нередко спали на печке. О сервантах и мягкой мебели не могло быть и речи. Нетрудно себе представить, что какой-нибудь деревенский парень, выросший в такой вот избе, не мог на все это смотреть спокойно.

Мы выбрали в этом селении домик для ночлега, поужинали, воспользовавшись запасами, которые хранились в кладовой. Спать легли на мягких кроватях, раздевшись и укрывшись пуховыми одеялами, как это принято у немцев. Дверь закрыли на ключ, а под подушки положили на всякий случай пистолеты. Утром распрощались, и каждый из нас направился в свой полк. 10 марта я предстал перед командиром своего полка майором Брыкиным. Мне не хотелось, чтобы меня направили на четвертую батарею, в которой я служил до отъезда на курсы. Нелегко командовать сержантами и солдатами, с которыми уже сжился за время боев. Майор понял это и отправил меня на первую батарею, которая больше всех пострадал в боях на Одере.

Глава 17

Досадная ошибка

В звании младшего лейтенанта явился я на первую батарею, которую возглавлял капитан Кизим. Познакомившись со мной, он отвел меня во второй взвод, которым мне и предстояло командовать. Кизим сам недавно принял первую батарею после того, как бывший ее командир капитан Орел, а также два командира взвода погибли на плацдарме реки Одер примерно в семидесяти километрах к юго-востоку от Бреслау (ныне Вроцлав). Из офицеров в живых остался только лейтенант Гаврилов, с которым у меня завязалась дружба. Несколько позднее на батарею прибыл и еще один командир взвода, младший лейтенант Нечаев, недавний выпускник одного из училищ зенитной артиллерии. Санинструктором на батарее была Тася Курьянова, о которой я уже упоминал.

На нашем фронте в это время было относительно спокойно, если не считать редких взрывов орудийных снарядов противника и довольно частых пулеметных и автоматных очередей, доносившихся с переднего края. Перестрелка не прекращалась и ночью, и тогда ее слышимость резко возрастала. А небо в темное время суток было постоянно освещено ракетами и спускающимися на парашютах светящимися бомбами.

Событие, о котором пойдет речь, произошло в конце марта 1945 года. Наша батарея располагалась в районе селения, если мне не изменяет память, под названием Цоптен. С восточной стороны к батарее примыкал ряд одноэтажных коттеджей, а на западе уже за передним краем виднелась поросшая лесом зеленая гора с замком на самой вершине. Там якобы находился женский монастырь.

Сравнительно долгое пребывание батареи на одном месте позволило обустроить нашу землянку и даже создать в ней уют. В землянке мы жили

вдвоем с дальномерщиком Глазьевым. Этот солдат добровольно выполнял роль моего ординарца. В землянке стояли две кушетки, а земляные стены были завешаны коврами. Нашлось место и для картинок с красивыми женщинами, как одетыми, так и раздетыми, об этом позаботился мой ординарец.

В тот самый день нашего комбата вызвали в штаб полка, и мы «Ваньки-взводные», как мы сами себя называли, почувствовали некоторую свободу. Решили позавтракать все вместе на кухне, размещавшейся в подвале ближайшего дома. Наш комбат подобных вольностей не разрешал, поскольку при внезапном налете самолетов противника командиры должны были находиться вблизи орудий. На кухне нас радушно встретил повар и санинструктор Тася. Стол был накрыт, а младший лейтенант Нечаев прихватил с собой и спиртика. Кстати говоря, нашим солдатам удавалось находить спирт с помощью щупов в земле, куда немцы его зарывали перед эвакуацией. За столом шла веселая беседа, чему благоприятствовало присутствие красивой девушки, которая кстати, находилась у нас временно.

И вдруг мы услышали крик: «Что вы там сидите?». Выскочили из подвала, как по тревоге. Мы сразу же увидели восьмимоторную махину, летящую прямо на нас на сравнительно небольшой высоте около 2000 м. Определить тип самолета было невозможно, тем более, что подобный самолет мы видели впервые. Имеющийся на батарее альбом силуэтов всех типов самолетов использовать было уже поздно.

Я попытался разглядеть опознавательные знаки на крыльях с помощью бинокля. Сначала мне показалось, что это фашистские кресты. Присмотревшись, я увидел звезду в центре круга. Но полной уверенности, что это самолет союзников, у меня не было, поскольку я, как и мои товарищи, был «под градусом». Однако интуиция подсказывала, что это «Боинг-17». А вот Нечаев был уверен, что это немецкий самолет «Фокке-Вульф-200». Время уходило, самолет, пролетев над нами, начал удаляться.

И тут Нечаев скомандовал: «По самолету противника длинными очередями огонь». Пушки дружно заговорили, выпустив целый сноп трассирующих снарядов. Самое интересное, что вытянутые вдоль фронта остальные батареи дивизии тут же, вслед за нами открыли огонь по самолету. Очевидно, они тоже сначала сомневались в принадлежности самолета, но, увидев, что их соседи ведут стрельбу, последовали нашему примеру. Море огня, а самолет продолжает лететь, словно бы заглатывая достигающие его снаряды. Наконец, мы увидели, что он задымился, и можно было наблюдать одиннадцать белых точек, то есть парашютов, с помощью которых экипаж покинул загоревшийся самолет. На батарее все торжествовали и кричали «Ура».

Затем мне довелось услышать разговор по прямой связи командира полка с командирами всех батарей. Каждый доказывал, что именно его батарея сбила самолет. В спор вмешался командир дивизии, который задачу решил просто. Узнав, что первой огонь по самолету открыла наша батарея, он отдал пальму первенства нам, пообещав, что все офицеры батареи будут награждены орденами Красного Знамени. Мы настолько этому обрадовались, что не могли себе отказать в дополнительном приеме спиртного. После этого я спокойно и крепко уснул в своей землянке.

Через какое-то время меня разбудил мой ординарец. Оказалось, что мы сбили не «Фокке-Вульф», а самолет нашего союзника, «летающую крепость» - Боинг-17». Летчикам удалось приземлиться вблизи переднего края, и наши пехотинцы, приняв их за немцев, отобрали у них все ценные вещи, часы, например, и прочее. Летчиков привезли в штаб дивизии и вопрос с ними решили мирно, приняв их по-братски, с угощением. К счастью, американцы были уверены, что их сбили немцы, а наша армия спасла им жизнь. Наши штабисты не стали их разубеждать в противном. А нас, трех офицеров, вместо награждения орденами наказали десятью сутками домашнего ареста, что на фронте означало уменьшение зарплаты на 50%. Можно сказать, что командир дивизии обошелся с нами

по-божески. А основной виновник сбития самолета Нечаев потом шутил, говоря, что «летающая крепость», стоимостью в миллион долларов обошлась каждому всего лишь по 360 рублей. Об этом случае я вспоминал во время «холодной войны», когда наши летчики-истребители становились героями, если им удавалось выполнить боевую задачу и вынудить американские самолеты-разведчики «уйти в сторону моря».

Глава 18

Машенька

У меня, как и у каждого молодого человека, оказавшегося на войне в восемнадцатилетнем возрасте, конечно, была школьная любовь. Но через год-другой эта школьная любовь стала понемногу забываться. Этому способствовали и тяжелые фронтовые испытания, подобные тем, через которые мне довелось пройти на Северо-Западном фронте. Однако желание любить и быть любимым, несмотря ни на что, оставалось и согревало сердце надеждой.

Женщин в армии было сравнительно мало, были это в основном работники медсанбата, сестры и санинструкторы. Каждая из них была предметом всеобщего внимания. Что касается моего отношения к ним, то оно зависело не столько от внешних данных, сколько от их человеческих качеств. Злые и высокомерные, а такие тоже встречались, вызывали у меня равнодушие, а порой и пренебрежение. С удовольствием вспоминаю нашего санинструктора Мишину, которая находилась на нашей батарее короткое время в середине 1944 г. Она была из простой крестьянской семьи. От нее веяло добродушием и состраданием к раненым. Я, можно сказать, в нее влюбился, несмотря на отсутствие внешней привлекательности.

Примерно через год, когда уже был офицером, я влюбился в Машеньку Отбельщикovu, которая была санинструктором первой батареи, куда я был распределен. Внешность ее описывать нет необходимости, достаточно сказать, что она была точной копией Лидии Смирновой, киноактрисы, снявшейся в известном тогда фильме «Моя любовь». Она сразу же мне рассказала, что была любовницей бывшего комбата Орла, погибшего на Одерском плацдарме. По ее словам, Орел безумно ее любил,

и этому я не мог не поверить. Об их взаимной любви и о намерении после войны пожениться они успели сообщить своим родителям.

Я оказывал Машеньке всяческое внимание. Во время переездов на новые позиции она обычно сидела рядом со мной на переднем сиденье автомашины. Когда мои солдаты приносили какие-либо вещи для посылок домой, наилучшие из них отбирала себе Маша. По моей просьбе ей рыли отдельные землянки на каждой из позиций. Маша воспринимала все как должное. Однажды она обратилась ко мне с просьбой, чтобы я отдал ей свое право послать родным посылку весом не в 5, а в 10 кг. Я не мог отказать ей в этой просьбе.

Я закрывал глаза на потребительское отношение ко мне со стороны Машеньки и в то же самое время ревновал ее к командиру дивизии полковнику Волкову. Полковник Волков был человеком средних лет, женатым, имеющим на гражданке двух взрослых сыновей. А на фронте у него в любовницах числилась медсестра из санбата. Она дважды беременела и уезжала рожать во Львов, где у нее был дом, построенный на средства полковника. В периоды, когда полковник оставался без своей постоянной любовницы, он вызывал к себе Машеньку. Машенька очень хорошо отзывалась о полковнике, по приказу которого она была одета в подогнанное шерстяное обмундирование и хромовые сапожки.

Чтобы закончить повествование о моих отношениях с Машенькой, мне придется забежать вперед. Вскоре после войны, когда наша дивизия стояла лагерем под Прагой, нас, командиров взводов, разместили в отдельном домике. И вот однажды, когда я лежал на своем топчане и что-то читал, вошла Машенька. В домике, кроме нас никого не было. Она присела на мой топчан и положила свой локоток прямо мне на грудь. От неожиданности я оторопел. Я просто не знал, что мне делать. Она выждала несколько секунд, резко поднялась и спросила: «Может быть, помешала?» После этого она вышла из домика, будучи, очевидно, оскорбленной моим бездействием.

А вскоре я узнал, что она выходит замуж за старшего лейтенанта нашего полка, Героя Советского Союза Антошкина. Антошкин выделялся смазливой внешностью и был бравым, удалым парнем, но недалеким по уму. Когда наш полк стоял в Вене, мне довелось побывать в семье моего бывшего однополчанина. В доме было грязно, не прибрано, плакал полугодовалый ребенок, а Машенька командным голосом покрикивала на мужа. Да и со мной мое бывшее божество обошлось не очень любезно. Не позавидовал я бывшему bravому офицеру, Герою Советского Союза, который в своей семье превратился в простого рядового.

Глава 19

Первый сексуальный опыт

Тема сексуальных отношений между женщинами и мужчинами в годы нашей молодости не была популярной. В средствах массовой информации слово «секс» было даже под запретом, будто в жизни секса не было вовсе, но законы физиологии человека игнорировать невозможно. Даже любовь, являвшаяся одной из движущих сил человечества, основывается на сексуальных отношениях. Вот почему любовь и секс были излюбленной темой бесед между нашими солдатами. Так что долгое отсутствие близости с женщинами тоже немаловажное испытание, через которое пришлось пройти участникам Великой Отечественной войны. Особенно это касается солдат, возможности которых в этом отношении были намного меньшими, чем у офицеров.

Что касается меня, то во время войны я мог лишь слушать рассказы опытных уже в этом отношении товарищей о бывших любовных и сексуальных историях. У меня подобного опыта не было, в чем мне было даже неудобно сознаться. Поэтому я только слушал и, конечно, мечтал о том, чтобы это случилось. И вот, наконец, мне представился случай вступить в сексуальные отношения с женщиной буквально через месяц после того, как я стал офицером.

Начну с того, что на нашей батарее появился сотрудник СМЕРШа, лейтенант Петров. Держался он независимо, но был весьма образованным человеком. Мне было с ним интересно, и мы часто в свободное время беседовали с ним на совершенно разные темы. Однажды в откровенной беседе он неожиданно назвал мой псевдоним осведомителя, под которым я числился еще на Северо-Западном фронте. А я-то надеялся, что после госпиталя, когда я попал на другой фронт, да и по истечении двух лет

данные мной обязательства этой организации канули в Лету. Но я ошибался, меня каким-то образом нашли. Спрашивается, зачем, если война уже кончается? О каких шпионах может идти речь, когда наши солдаты в боях доказали свою преданность Родине? Но у СМЕРШа, видимо, своя точка зрения на этот счет. Петров не только напомнил мне о моих обязанностях, согласно данной когда-то подписке, но и повысил мой статус. Он назвал мне нескольких человек из нашей батареи, которые соответствующие сведения должны передавать мне, а я - в вышестоящую инстанцию. Но как тут быть? Единственное, что можно было сделать, это создавать видимость поиска шпионов и инакомыслящих, а на деле ничего не делать.

Но я отвлекся от темы секса. Однажды, уже после освобождения Дрездена, в одном из населенных пунктов вблизи границы с Чехословакией Петров организовал ночное патрулирование. Ему помогал младший сержант по фамилии Шац, который отлично владел немецким языком. Шац и предложил мне посетить одну немку, с которой при желании можно «переспать». Я согласился, поскольку рано или поздно надо было стать мужчиной, тем более что мне уже был 21 год. Женщина оказалась весьма симпатичной, хотя и старше меня лет на десять. Без знания немецкого языка общаться с ней было трудно, но она оказалась понятливой и предупредительной. Выполнив то, что от меня требовалось, я стал противен сам себе. Быстро одевшись, я буквально вылетел из ее дома. Пришлось убедиться на деле, что радость от сексуальных отношений просто невозможна, если нет любви или хотя бы влюбленности.

Я не знал, что мне делать дальше, и ничего лучшего не придумал, как предложить эту женщину Петрову. Он сразу воспрянул духом и с готовностью помчался по указанному адресу. Вот так и был приобретен мой первый сексуальный опыт. Может возникнуть вопрос, почему в главе, посвященной сексуальным отношениям, слишком много места отведено

представителю СМЕРШа. А дело в том, что условия для моей встречи с женщиной фактически создал Петров.

Чтобы не возвращаться к вопросу о моих отношениях со СМЕРШем, забегаю вперед, скажу следующее: уже перед демобилизацией в 1948 г., когда я служил в Киевском военном округе, меня опять-таки нашли. В разговоре с капитаном из особого отдела я наотрез отказался быть осведомителем в дальнейшем, ссылаясь на предстоящую демобилизацию. А он доказывал мне, что осведомители нужны и на гражданке. Поскольку я продолжал настаивать на своем, он выразил лишь сожаление, что я был ознакомлен с приемами их работы. После этого неприятного разговора я не был уверен, что КГБ оставит меня в покое. Но все обошлось, если не считать случаев, когда меня не выпускали за границу.

Глава 20

Последний месяц войны

Через десять дней после того злополучного дня, когда мы по ошибке сбили самолет союзников, наша батарея прикрывала автостраду Берлин-Бреслау. Эта прямая двухленточная дорога была расположена в стороне от населенных пунктов. Ехать по ней на большой скорости почти все равно, что плыть по воде на глассере. В те годы мы невольно удивлялись, что наши враги добились такого совершенства в строительстве дорог. Один из самых удачных для нашей батареи случаев ведения огня произошел 10 апреля рядом с этой автострадой. Разведчик, который не спускал глаз с неба, вовремя увидел восемь немецких самолетов «Фокке-Фульф-190». Они летели на бреющем полете вдоль трассы. Появилась прекрасная возможность проявить накопленное мастерство в стрельбе на поражение. Команда «Огонь» прозвучала своевременно, и эффект автоматической стрельбы был превосходным. Три самолета из восьми были сбиты.

На батарее в это время находился и заместитель командира полка по строевой части майор Горышев. Он высоко оценил результат стрельбы и способствовал оформлению соответствующей документации. Из всех полковых начальников Горышев, бывший преподаватель ремесленного училища, пользовался среди солдат наибольшим уважением. Мне понравилась одна фраза, которую я случайно услышал во время его перебранки с майором-особистом. Она прозвучала так: «Я три фашистских самолета сбил, а вы мне здесь нотации читаете!». Работник СМЕРШа тут же сел в свою машину и укатил.

Через несколько дней произошел случай, когда я проявил непростительное для военного времени ребячество. Это было опять-таки

на автостраде, в коридоре между передним краем и окруженной группировкой фашистских войск в Бреслау. Чтобы прикрыть зенитным огнем более значительный отрезок автострады, три взвода батареи были разведены с пятикилометровым промежутком между ними. Таким образом, я стал лично отвечать за воздушную безопасность вверенного мне участка дороги.

Отчетливо помню то раннее утро. Я умывался, когда услышал шум мотора заведенного мотоциклета. Мотоциклет был немецкий и подобран в дорожном кювете нашим шофером. Я просто не смог устоять, так захотелось промчаться на нем с ветерком по еще пустынной утром автостраде. Забыв обо всем, я на большой скорости мчался по прямой, как стрела, идеальной дороге. Меня стала догонять грузовая машина. И вдруг, откуда он взялся – непонятно, немецкий самолет-штурмовик, как коршун, спикировал на дорогу и выпустил очередь по догонявшей меня машине.

Свистящие пули с треском ударялись о покрытие дороги и рикошетили не только сзади, но и вокруг меня. Конечно, я сразу понял, какую совершил ошибку. Я лихорадочно затормозил, развернулся и помчался назад, забыв, что чудом остался жив. В тот момент я думал даже не о личной опасности, а о взводе, который оставил на произвол судьбы. Хорошо еще, что командиры орудий сообразили самостоятельно открыть огонь по самолету, к сожалению, с опозданием. На моей совести остались сожженная стервятником автомашина и ранение ее шофера. Я вернулся к своим орудиям в подавленном настроении.

Вскоре во взвод приехал полковник Волков и отчитал меня по полной программе за то, что взвод не выполнил главной своей задачи и позволил безнаказанно уйти самолету, уничтожившему автомашину. Хорошо еще, что мои ребята не выдали меня, а полковник так и не узнал о моем необдуманном поступке. Через несколько дней моему взводу все же удалось сбить один самолет противника,

В последний месяц войны продвижение Советской армии на запад было все более ускоренным, поэтому огневые позиции приходилось менять довольно часто. И вот наша 5-я гвардейская армия совершает бросок на Эльбу. Наша батарея заняла позицию на пригорке правого берега, около города Торгау. Мы наблюдали оттуда за встречами представителей наших войск с командованием союзнической армии. Орудийные расчеты были готовы к открытию огня на случай появления вражеских самолетов.

Далее наш путь лежал в Дрезден. По дороге мы встречали машины с союзниками, которые нас дружно приветствовали. В Дрезден мы вступили в первых числах мая, сразу же после освобождения города нашей армией. Мне запомнились пустынные улицы с домами, из окон которых были вывешены белые флаги. Стоило нам подъехать к одной из площадей, как из окна напротив стоящего дома был выпущен фауст-патрон, то есть большая реактивная граната, которая с большого расстояния могла поражать наши танки. На этот раз фауст-патрон угодил в танк, который загорелся. Чтобы предупредить нечто подобное, наш комбат приказал одному орудью «прочесать» длинными очередями верхние ряды окон, из которых предположительно и была выпущена граната.

Затем была длительная остановка батареи на привокзальной площади. Там мы узнали, что в подвале вокзала находится ресторан. С разрешения комбата я спустился туда и стал свидетелем «пира горой». За столами, которые ломились от закусок и множества бутылок с немецким коньяком, сидели советские офицеры. Их обслуживали русскоязычные девушки-официантки, очевидно, ранее угнанные из нашей страны в Германию. Совсем недавно они обслуживали немецких офицеров. Чувствовалось, что наши девушки испытывали прилив радости и с удовольствием подносили гостям все новые блюда. Они охотно принимали ухаживания наших офицеров.

Глава 21

И, наконец, победа!

В апреле 45-го года мы уже предчувствовали близкую победу над фашистской Германией и ждали окончания войны со дня на день. И вот 8 мая, наконец, подписан акт с немецким командованием о полной и безоговорочной капитуляции. Буквально на другой день наша 5-я гвардейская армия была брошена на Прагу и участвовала в ее освобождении.

Мне запомнилось, как наша батарея в числе других подразделений дивизии, вступив в чехословацкую столицу, медленно двигалась по узкому коридору между толпами встречавших нас жителей. Мужчины и женщины, которых здесь было гораздо больше, бросали сидящим в машинах воинам цветы, а порой передавали что-то из угощений. Со всех сторон слышалось многоголосое слово «Насдар». Я стоял рядом с сидящим за рулем шофером и отвечал на приветствия приподнятой рукой. Только за городом, наконец, опустил онемевшую руку. Невольно вспомнилось наше шествие по Дрездену, где нас не только не приветствовали, а, наоборот, пытались забросать фауст-патронами.

Нашу дивизию разместили в окрестностях Праги, здесь нам и стало известно об утверждении 9 мая Днем Победы. Трудно передать словами ту радость, которую мы испытали. Война закончилась, а мы остались живыми и невредимыми. Вероятность погибнуть или стать инвалидом сначала на Северо-Западном, потом на Воронежском, 2-м Украинском и 1-м Украинском фронтах была велика. Так, на нашей зенитной батарее до Курской битвы насчитывалось 70 человек живыми и невредимыми, а осталось всего лишь 7.

Победа принесла нам чувство раскрепощенности. На фронте мы были «привязаны» к своим орудиям, сохраняя ежеминутную готовность к открытию огня. Даже спать приходилось одетыми. После войны офицеры имели возможность жить на частных квартирах, а вне службы спокойно распоряжаться своим временем. Любимыми послевоенными мероприятиями были застолья в кругу друзей, нередко приглашали и женщин. На этих сборищах чаще всего делились воспоминаниями о каких-нибудь военных эпизодах. Поскольку эти застолья сопровождались принятием спиртных напитков, то языки у офицеров развязывались и беседы затягивались за полночь. Бывали случаи, когда офицеры не находили общего языка, и тогда все заканчивалось выяснением отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не случайно после очередного застолья кто-нибудь из офицеров являлся в столовую будучи перевязанным.

В первые дни наступившего мира группа из шести офицеров, в которую входил мой бывший командир взвода Поляков и я, была командирована в город Брно. Перед нами стояла задача – посетить лагерь советских военнопленных. Необходимо было отобрать 500 человек для пополнения в те подразделения, из которых к этому времени выбыли военнослужащие старшего возраста.

В лагере работали офицеры спецорганов, после проверки военнопленных они передали нам, согласно акту, пятьсот человек. Нашему капитану удалось обхитрить начальство лагеря и принять на пять человек больше. Сделать это было нетрудно, поскольку многие военнопленные горели желанием попасть в зенитную дивизию. А вечером, накануне отбытия мы решили расслабиться и отметить прием пополнения, а заодно и недавний День Победы. Продукты у нас имелись, а вот выпивки не было. Меня, как самого молодого, послали на товарную железнодорожную станцию за спиртом. Сведения о цистерне, охраняемой часовыми, сообщил кто-то из жителей дома, в котором мы как раз остановились. Задача была

непростой - выпросить у солдата хотя бы одну бутылку охраняемого им спирта. Официальный тон был неуместен. Пришлось забыть, что я офицер, и попросить у него войти в мое положение, о котором я рассказал. Не сразу, но в конечном итоге солдат сжалился, и я вернулся с двумя бутылками спирта. На другой день нам по списку передали отобранных военнопленных. В дороге мы организовали им питание и ночлег. Нести ответственность за незнакомых нам, практически чужих людей, было отнюдь нелегко. Тем не менее, с этой задачей мы в основном справились, если не считать, что пять человек по пути исчезло.

На одном из торжественных мероприятий, посвященных Дню Победы, собрались все офицеры дивизии и приглашенные сержанты и солдаты. Все пришли с орденами. Я обратил внимание на бросившуюся мне в глаза закономерность. Больше всего наград имели командиры полков, их заместители и работники полковых штабов, не говоря об офицерах штаба дивизии. Командиры батарей были награждены тремя, реже – двумя орденами, а командиры взводов - одним или двумя орденами.

Командиру нашего полка майору Грунину за наибольшее количество сбитых самолетов противника было присвоено звание Героя Советского Союза. Такое же звание получил и его подчиненный, командир пулеметной роты старший лейтенант Антошкин. Приглашенные на торжество командиры орудий имели по одной боевой медали и лишь некоторые из них были удостоены ордена Славы. Что касается наводчиков орудий, имеющих звание рядового или ефрейтора, то редко кто из них был награжден хотя бы медалью. А ведь они, главным образом, и сбивали вражеские самолеты.

У меня наград не было. И я чувствовал себя «не в своей тарелке». На это обратил внимание парторг полка капитан Иващенко, знавший меня как бывшего комсорга батареи. Он спросил, почему я не надел награды. Узнав, что я вообще не награжден, он сказал, что постарается исправить положение. И, действительно, вскоре командиру дивизии была направлена

реляция, в которой говорилось, что моим орудием, а затем взводом было сбито семь самолетов противника. Названная цифра, кстати говоря, значится и в моем личном деле. А через неделю командир дивизии вручил мне орден Красной Звезды. Так что справедливость в отношении меня восторжествовала.

Мне кажется, что о заслугах в Великой Отечественной войне следует судить не по количеству орденов. Ими награждались подчас и люди, не побывавшие на переднем крае. И, наоборот, солдаты, которые жертвовали своей жизнью, порой не были отмечены даже медалями. Приведу один случай, произошедший уже после войны в мирное время. В 1983 г. мы были приглашены в г. Кременчуг. В боях за Кременчуг участвовала та самая гвардейская дивизия, в составе которой я был еще на Северо-Западном фронте. Нас на катерах отвезли на фарватер Днепра, и мы бросили в воду венки и цветы. Именно здесь, на этом участке, погибло много бойцов во время форсирования Днепра. На берегу нас встречала воинская часть, а поодаль стояли местные женщины, смотрели на своих освободителей, грудь каждого из которых была увешена орденами и медалями, и плакали.

Нас пригласили к импровизированному столу, и тут один из ветеранов попросил встать бывших солдат. Из сотни гостей поднялся лишь один и, как мне показалось, он был весьма смущен. В отличие от остальных, имеющих по несколько орденов, у него была всего лишь одна медаль «За боевые заслуги». А ведь этот солдат, чудом оставшийся в живых при освобождении Кременчуга, сыграл не меньшую роль, чем каждый из присутствующих здесь офицеров. Не отрицая большой роли офицеров в той войне, мне хочется напомнить о неимоверно большем вкладе в победу простых солдат, заслуги которых оценивались порой неадекватно, как принято говорить в настоящее время.

Глава 22

Заграничные будни после войны

С середины мая до конца 1945 г. наша дивизия была дислоцирована в сравнительно небольшом, но очень красивом городе Варнсдорфе. Ранее он находился на территории Германии, а, согласно решению Потсдамской конференции, соответствующая территория была передана Чехословакии. Я в это время был уже не в полку, а в школе сержантского состава, где возглавлял взвод численностью в 50 курсантов. Командиром школы был назначен мой бывший комбат Дунин. Школа была расположена в здании бывшей больницы. Наши курсанты спали на больничных койках. Подобные условия резко контрастировали с недавней обстановкой в землянках.

По утрам к зданию школы выстраивалась очередь немецких жителей, которые приглашали к себе на квартиру кого-нибудь из офицеров. Немцы боялись появившуюся в городе чехословацкую власть, а в основном полицию. Последняя злоупотребляла своими полномочиями и не против была поживиться кое-каким добром богатых немцев. В лице советских офицеров местные жители видели гарантию от произвола полицейских. Даже мне однажды удалось «защитить» немцев от чехословацких полицейских. Найденная мне моим ординарцем квартира была в одноэтажном доме, где проживала семья бывшего архитектора, интеллигентного, пожилого человека. Все члены семьи относились ко мне весьма благожелательно, а хозяйский мальчик, когда я возвращался со службы, бежал мне навстречу, крича: «Хэр лейтенант! Хэр лейтенант!». И я его угощал чем-нибудь вкусным. В отведенной мне комнате был идеальный порядок. Широкая кровать накрыта пуховым одеялом, постельное белье было белоснежным. Рядом на тумбочке стоял тазик и

кувшин с водой для умывания, там же находилось полотенце. Если я оставлял в тумбочке грязное белье, то на другой день оно было уже выстиранным и выглаженным.

Однажды ночью ко мне вбежал хозяйский мальчик и разбудил, крича «Хэр лейтенант!». Я почувствовал что-то неладное. Кое-как оделся и вышел в коридор. Там стояли все домочадцы и четыре полицейских. Старший из них, увидев меня, приветствовал и, держа руку под козырек, доложил, что они проверяют документы. Вскоре они удалились. После их ухода хозяева меня благодарили и говорили, что не будь меня, полицейские обязательно забрали бы понравившиеся им вещи.

Чехословацкие власти обязали всех немцев носить на рукавах повязки, которые отличались цветом в зависимости от сочувствия либо фашистам, либо коммунистам. Немцы ужасно боялись полицейских. Однажды я пригласил хозяйскую дочь Хильду в кино. На пути к дому офицеров я заметил, что на ее руке белая повязка. Пришлось настоять, чтобы Хильда сняла ее. Мне было неловко. Казалось, что все вокруг думают: «Вчера, мол, с немцами воевал, а сегодня завел с «медхэн» близкое знакомство». Но таких офицеров, как и я, пришедших на сеанс с немецкими женщинами, было много. И это меня успокоило. Но во время сеанса мне было неудобно перед Хильдой, потому что смотреть пришлось документальный фильм о разгроме немцев под Москвой. Показывали то пленных, то убитых, а то и просто полуживых, обмороженных, потерявших человеческий облик немецких солдат.

В январе 1946 г. наша дивизия была передислоцирована в австрийский город Ибс. Школу нашу разместили в здании бывшей богадельни, на берегу Дуная, в шести километрах от города. Времяпровождение на новом месте службы протекало однообразно: днем занятия с курсантами, вечером застолья или танцы, на которые ходили в город или ближайшие селения. Когда собирались у кого-нибудь из офицеров, беседам о пережитом не было конца.

В июне 1946 г. нашу дивизию передислоцировали в Кремс – живописный город на левом берегу Дуная примерно в 70 километрах по течению выше Вены. Город вытянут вдоль Дуная на несколько километров. Из окна коттеджа, в котором мы жили с другом, открывался вид на покрытые лесом холмы правого берега. Но одним из них – средневековый замок, в котором Наполеон провел свадебную ночь с австрийской принцессой. На вершине другого холма виднелся памятник Кутузову.

Служба и жизнь в Кремсе оставила у меня наиболее яркие впечатления. В свободное от службы время мы сами решали, чем его занять. В доме офицеров, расположенном в Браухофзале, каждодневно по вечерам звучал духовой оркестр, под который офицеры танцевали с местными девушками.

Оказавшись в другом слое армейского общества, я невольно оторвался от солдат. Но по возможности старался вникать в запросы подчиненных и быть с ними справедливым. Они мне в свою очередь отвечали уважением. Так мне, по крайней мере, казалось. Бывший мой фронтовой друг Хоменко, старшина одной из батарей, к сожалению, стал испытывать неловкость, не решаясь даже называть меня по имени. Зато другой мой друг, Ваня Селиванов, бывший разведчик, относился ко мне, как и прежде. С ним я поддерживал связь и после войны. Ваня, между прочим, будучи у меня в гостях, нарисовал мне на карте боевой путь нашей дивизии.

Возраставшая напряженность в связи с начавшейся уже холодной войной не позволяла победителям расслабиться полностью. Требования к учебе нового пополнения солдат, а особенно курсантов, возрастали. Стрельбища и учения проводились периодически. В октябре 1946 г. наша дивизия, как и вся 5-я Гвардейская армия, участвовала в военных учениях на территории Венгрии, где-то севернее озера Балатон. Соблюдались все необходимые для подобных мероприятий правила с условным

противоборством красных и синих, с применением авиации, с посредниками в белых повязках и т. д.

После нескольких дней учения наш обратный путь в Кремс, протяженностью в 300 километров, лежал через Вену, где мы должны были пересечь Дунай. Когда въехали в пригород Вены, стояла глубокая ночь, город был полностью затемнен. Наши машины останавливались через каждую минуту. Возглавлявший колонну офицер задерживался на каждом перекрестке безлюдных улиц, чтобы сориентироваться и найти кратчайший путь к мосту через Дунай.

После трех бессонных ночей меня, да и рядом сидящего шофера сморил сон, оба заснули. Мне даже приснился сон, будто я дома. И вдруг нас будит чей-то голос: «Что вы спите?». Мы вмиг проснулись и, о ужас!.. улица перед нами была пуста. Оглянувшись назад, я увидел длинную вереницу машин с горящими фарами, готовую следовать за нами. Сон у меня как рукой сняло. Тронулись по той же улице, надеясь нагнать колонну. Не догнали. Доехали до очередного перекрестка и остановились. Передо мной было три улицы. Зная о том, что наш путь лежит к Дунаю, я указал шоферу на улицу, имеющую уклон в направлении движения. Поехали, а вслед за нами двинулась ведомая нами колонна. Постепенно улица стала сужаться, вместо высоких домов, показались дачные домики с окружающими их участками. Снова остановил машину, а, значит, и всю колонну. И вдруг за деревьями засветились фары машины, проезжавшей в обратном направлении, значит, там настоящая дорога. Ничего не оставалось, как пересечь садовый участок. Колонна машин продолжала двигаться за нами. Мы опять оказались в пустынном городе с многочисленными переулками. Как же найти мост?

На мое счастье. я увидел человека с корзиной, из которой высовывалась длинношеяя голова гуся. На мой вопрос о кратчайшем пути к мосту он ответил, что сам собрался ехать за Дунай. Я его посадил в кабину, корзину с гусем он держал у себя на коленях. Я, наконец,

почувствовал некоторое облегчение, хотя этот гусь всю дорогу пытался ущипнуть меня.

Проехали мост, преодолели небольшой подъем по дороге вдоль Дуная и упёрлись в переезд через железную дорогу. На железнодорожном пути лежало что-то искореженное. Оказалось, что проезжавший по железной дороге паровоз раздавил автомашину с импортным электронным прибором «СОН» (станция орудийной наводки), который в то время стоил более миллиона долларов. Случилось так, что шофер, который вез «СОН», вклинился в колонну, заняв место именно нашей машины. Сморивший нас сон, можно сказать, спас жизнь не только мою и шофера, но и восьми человек пушечного расчета.

Вскоре нашу трижды орденоносную дивизию расформировали. Осознание того, что не будет больше существовать дивизии, в составе которой я прошел с боями от Курска до Эльбы, было нелегким. Жалко было расставаться с фронтовыми и вновь приобретенными друзьями. Грустно было прощаться и с моим непосредственным командованием. В январе 1947 г. меня перевели в отдельный зенитный полк, дислоцированный в Вене.

Однажды мне довелось быть начальником караула советской зоны оккупационных войск. Торжественный развод караула производился на площади против дворца. Играл духовой оркестр, и многие горожане собирались наблюдать эту церемонию. Затем расставлялись часовые на важнейших объектах, в том числе на мосту через Дунай. Одним из объектов была тюрьма, превращенная в гауптвахту. Принимая дежурство от предшественника, я обошел все камеры этой тюрьмы. В камерах сидели отбывающие наказание офицеры. Были здесь офицеры даже в звании подполковника.

В одной из камер сидело несколько очень красивых женщин. Это были чешки. При передислокации наших войск из Чехословакии они как декабристки не захотели расставаться со своими возлюбленными и уехали

вместе с ними в Австрию. Но здесь их арестовали и заключили в тюрьму с неподобающими для женщин условиями.

В феврале 1947 г. я направил рапорт командованию с просьбой о демобилизации. Но мне отказали и направили служить в Киевский военный округ. Пока я служил в Вене, стал привыкать к существовавшим там нормам общественного поведения. На улицах, в многолюдных местах австрийцы оставались вежливыми и предупредительными. Если группа людей входила в подошедший трамвай, то каждый, извиняясь, старался не помешать войти другому. И вот я пересек границу и оказался на станции Чоп, где ожидал поезда на Москву. Поезд подошел. И началось что-то невообразимое. Люди рванулись в вагон, отпихивая друг друга. Кричали женщины и дети. Кого-то прижали к вагону, кому-то наступили на ногу. Вещи бросали в открытые окна вагона. Когда я последним вошел в вагон, то обнаружил, что в нем было еще много свободных мест. И я подумал: «Узнаю тебя, мое отечество».

Послесловие

В 2008 году мой племянник, профессор МГУ, Никита Борисович Зоров, попросил меня выступить перед группой американских туристов на тему о Второй мировой войне. Эта группа, численностью около 25 человек, состояла исключительно из преподавателей истории школ и вузов. Их профессиональный интерес к названной теме проявился в желании встретиться с непосредственным участником той войны.

Мое выступление перед американцами состоялось в актовом зале гостиницы «Варшава», где туристы как раз и располагались. Памятуя о достаточно высоком интеллекте моих слушателей, я старался избежать пропагандистской направленности своего выступления и быть предельно искренним. Мне, как показалось, удалось доказать слушателям, что главную роль в разгроме фашистской Германии сыграли все же не союзнические, а советские войска. Именно Советская армия освободила от фашистской оккупации не только захваченную часть нашей страны, но и ряд европейских стран.

Главное внимание в выступлении было обращено мной на те моральные и физические испытания, через которые прошли рядовые солдаты. Иллюстрируя сказанное, я приводил примеры, описанные в настоящей книге. Мой рассказ и ответы на многочисленные вопросы продолжались более двух часов. По окончании встречи мне дружно аплодировали, после чего почти каждый из слушателей подходил, чтобы пожать мне руку, а затем сфотографироваться на память. Подобной теплой оценки моей скромной персоны я никак не ожидал, как и того, что их руководитель вручит мне потом долларовый гонорар.

Упомянутая положительная реакция рядовых американцев на бесспорные факты Второй мировой войны резко контрастирует с недавно опубликованными высказываниями ряда западных политиков, а вернее, политиканов. Стремление фальсифицировать события того времени в

выгодном для своих стран виде становится чуть ли не нормой. Более того, появляются даже суждения, что не только фашистская Германия, но и Советский Союз повинны в начале Второй мировой войны.

Может быть, авторы подобных суждений не довольны, что их страны были освобождены Советской Армией от фашистской оккупации, где, кстати говоря, погибли сотни тысяч наших воинов?

Вместе с тем приходится признать, что возглавлявшим Советское правительство И.В. Сталиным допущен ряд ошибок. Во-первых, он игнорировал ряд разведанных о готовящемся нападении на Советский Союз. Так что война не была для нас внезапной, как утверждалось. Во-вторых, репрессии квалифицированных командных кадров в предвоенные годы сильно подорвали боеспособность армии. И, в-третьих, сам пакт о ненападении 1939 года, которому предшествовала беспощадная критика фашизма, казался тогда нашим людям противоестественным. Это я прекрасно помню. В результате перечисленных ошибок война затянулась на долгие четыре года, обернувшиеся горем, невзгодами и многочисленными жизненными и материальными потерями.

Теперь уже не секрет, что Советский Союз потерял в войне своих граждан раза в три больше, чем фашистская Германия. Пострадала почти каждая семья. Лично я потерял двух родных дядей, трех двоюродных братьев (родных не было), двух довоенных и трех фронтовых друзей, девять из четырнадцати одноклассников. Сам был на грани, казалось бы, неминуемой гибели около пятнадцати раз. Но судьба хранила меня. И каким-то чудом я остался живым и даже нераненым.

Принято считать, что в победе Советского Союза над фашистской Германией ведущую роль сыграли наши полководцы, которые неслучайно были отмечены самыми высокими воинскими званиями и наградами. С этим нельзя не согласиться, если речь идет о втором, наступательном периоде войны. Нельзя забывать при этом, что наша победа выковывалась не только боями на фронте, но и самоотверженным трудом в тылу. Что

касается моего обывательского взгляда, то самый большой вклад в победу над врагом внесли наши воины, погибшие на поле боя. Можно даже сказать, что именно они своими телами остановили нашествие фашистских войск, проявив беспримерную стойкость, смелость и героизм.

В заключение хочется подчеркнуть, что наиболее тяжелые физические и моральные испытания во время войны пришлось переносить рядовым солдатам, а также матросам и партизанам.

Они больше других рисковали жизнью и значительно чаще погибали в боях. Хотя представители этой категории воинов награждались орденами в исключительных случаях, зато именно их образ запечатлен в многочисленных памятниках, как в нашей стране, так и за рубежом. Вечный огонь на могилах неизвестных солдат символизирует о беспримерном и незабываемом их подвиге.

Москва, 2009 г.

Оглавление

Предисловие	1
Глава 1. И вдруг... война	5
Глава 2. Трудовой фронт	8
Глава 3. Эвакуация	12
Глава 4. Жизнь в эвакуации	16
Глава 5. Снова эвакуация	19
Глава 6. Рискованная поездка домой	21
Глава 7. Несостоявшийся лейтенант	23
Глава 8. Несостоявшийся десантник	27
Глава 9. Северо-Западный фронт.....	31
Глава 10. Отдых в тылу	35
Глава 11. Курская битва.....	39
Глава 12. Беленихино	44
Глава 13. Фронтовые будни.....	47
Глава 14. Сандомирский плацдарм.....	52
Глава 15. И снова курсант	56
Глава 16. В логове врага.....	59
Глава 17. Досадная ошибка.....	62
Глава 18. Машенька.....	66
Глава 19. Первый сексуальный опыт.....	69
Глава 20. Последний месяц войны	72
Глава 21. И, наконец, победа!	75
Глава 22. Заграничные будни после войны	79
Послесловие.....	85